

A close-up, profile view of a woman's face, looking downwards. She is positioned behind a heavily cracked and textured glass surface, which appears to be part of a vehicle or a window. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows, emphasizing the texture of the glass and the woman's features. The overall color palette is dominated by blues, greys, and warm skin tones.

Лариса Есина

ДЮЙМВОВОЧКА

Лариса Есина
ДюймВовочка

«Accent Graphics communications»

2013

Есина Л.

ДюймВовочка / Л. Есина — «Accent Graphics communications»,
2013

Роман «ДюймВовочка» – проекция сюжета известной детской сказки на современную действительность. Бытует мнение, что мужчины ныне измельчали. В своем произведении автор попыталась найти ответ на вопрос, почему это происходит.

© Есина Л., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лариса Есина ДюймВовочка

Часть 1 Все мы родом из детства

Глава 1 Ожидание чуда

«У Вас будет ребенок!..» – разве есть на свете более ласкающее женский слух сочетание букв и слов?!.. Иногда его ожидают услышать. Для других оно звучит неожиданно. Но всегда или почти всегда данное известие радует, окрыляет, наполняет душу и мысли тайной зарождения новой жизни, за которую с этой минуты ты чувствуешь ответственность перед людьми, перед Богом, перед самой собой, наконец...

Возможно, нечто подобное пережила пациентка женской консультации Татьяна, как только узнала, что скоро станет матерью... Врач-диагност Варвара Сергеевна, поспешившая сообщить посетительнице это обычно радостное известие, не заметила на лице будущей мамы ни малейшего оттенка ликования...

– Это точно, доктор? – лишь растерянно пролепетала она.

– Ошибки быть не может – плод уже хорошо пальпируется: недель 8–9, не меньше...

– То есть аборт еще можно сделать? – с надеждой в голосе поинтересовалась странная пациентка.

Врач-гинеколог холодным строгим взглядом окинула будущую мать. «Молода еще очень, но бедра широкие, крепкие, здоровье отменное. Только рожать, рожать и рожать. Прирожденная мать. Одета прилично, обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки... Выходит, замужем, не нагуляла дитя-то... Так что не так?» – невольно задалась вопросом Варвара Сергеевна, а вслух произнесла:

– Аборт, конечно, сделать еще можно. Но не советую. Беременность первая, так ведь? Второй после неудачного аборта может не быть. Одну с ребенком тебя замуж еще возьмут, даже если с первым мужем разведешься, а вот бездетную – вряд ли...

Догадка Варвары Сергеевны была недалеко от истины: ее пациентка действительно была замужем, но развод был делом времени. А свалившаяся на голову Татьяны беременность растягивала это время на весьма неопределенный срок. Она попыталась объяснить доктору ситуацию.

– А Вы не торопитесь, девушка? – советчица в белом халате предложила взглянуть на происходящее с иной точки зрения, – Может быть, именно ребенок спасет ваш брак? Дети просто так на свет не появляются. Это промысел свыше! А Вы уже так легко готовы от него отказаться...

Доводы Варвары Сергеевны, казалось, подействовали на Татьяну. Поблагодарив ее за внимание и добрые советы, она поспешила домой. С одной стороны не терпелось поделиться новостью с матерью. Они не были особенно дружны и никогда не вели доверительных бесед. Сегодня она как никогда нуждалась в мудром совете близкого человека. Таковым была только мать. В воспаленном мозгу вконец расстроенной Татьяны всплывали сцены из недавнего прошлого.

Мелькали лица ненавистного отчима и сводной сестры, от которых Татьяна мечтала бежать на край света. Она часто сравнивала себя с Золушкой, мечтая о «принце», об удачном и выгодном замужестве и ничуть не сомневалась в том, что оно обязательно будет. Времена изменились: за королевского сына сполна мог сойти офицер – современное олицетворение чести, доблести, рыцарства... Мать тихо посмеивалась в ответ. Отчим откровенно язвил по этому поводу, что, впрочем, совершенно не смущало его падчерицу. Татьяна продолжала ходить на танцы в городской Дом офицеров. Ей думалось, что они пришли на смену старинным балам.

Однажды действительно красавец с нашивками прапорщика на погонах пригласил ее на танец. Татьяна не разбиралась в знаках воинского отличия, и решила, что наконец-то час ее счастья пробил. Алексей – так представился кавалер – не соврал, что мечтает именно о такой девушке, как она, и хоть сейчас готов на ней жениться... Просто о многом умолчал: что был неоднократно женат, что верностью и заботливостью не отличается, что ему нужна повариха, прачка и уборщица в одном лице. Женщин в ином понимании этого слова он привык находить на стороне, и они никак не могли заниматься заботами по дому... Алексей просто так ради красного словца ляпнул про готовность жениться. Татьяна для приличия обещала подумать, а для себя уже решила, что ответит согласием.

Ей было тесно и некомфортно в родительском доме, где жили и небогато, и недружно. Отчим трудиться не хотел, и всю большую семью тянула на своих хрупких женских плечиках ее мать Полина Николаевна. Меж тем той не давали забывать, что взял ее мужик из милости – с малым дитем и без гроша в кармане... На этом все благодеяния заканчивались: не то, что содержать – проявлять элементарную заботу о приемышах никто не стремился.

Татьяна была уверена, что если она уйдет из дома, ее матери станет легче, так как больше нечем и некем будет попрекать. К тому же крайне не терпелось утереть нос сводной сестре, обноски которой она вечно донашивала. Жена офицера – это уже совершенно другой уровень жизни.

Она не раз отмечала для себя, как разодеты офицерши на танцах. Стать одной из них было мечтой всей ее жизни, в воплощение которой она искренне верила. Наконец, сама судьба преподнесла ей такой шанс. Упустить его она никак не могла.

Дома, вопреки ее ожиданиям, новость встретили, мягко говоря, невежливо. Отчим не преминул отпустить по этому поводу пару язвительных шуточек, а мать принялась убеждать не торопиться с походом в ЗАГС. Но чем больше Татьяну уговаривали проявить благоразумие и получше узнать жениха, тем тверже становилось ее решение выйти замуж – и как можно скорее. В глубине души она мнила себя самой лучшей и благоразумной из вертепа своих домочадцев.

Через три дня их с Алексеем расписали и, вернув, взятые напрокат свадебные наряды, молодожены отправились на Кавказ, в Грузию, где служил молодожен. Счастье тоже оказалось напрокат – вот не верь после этого приметам! – недолгим и показным. Алексей изменился сразу же, как поезд миновал границы родного города новоиспеченной супруги. Окончательно отрезвил Татьяну суровый воинский быт: вместо ожидаемой ею шикарной офицерской квартиры муж привез ее в грязную, заросшую паутиной комнатуху в семейном общежитии гарнизона. Кухня и так называемые удобства общие, и соседки по этажу тут же включили имя новой жилицы в график дежурств по уборке помещения... Но Татьяна и это приняла, успокаивая себя мыслью, что не все начинают жить сразу на широкую ногу, что у нее все еще впереди. Однако вернувшийся с дежурства муж быстро при помощи кулаков разъяснил ей обязанности жены офицера. При этом об ее правах не было сказано ни слова... Отчаянью молодухи не было предела: из одного плена тирана-отчима она попала в другой – тирана-мужа. Но не такова была Татьяна, чтобы долго предаваться отчаянью.

– Ты посмотри, рабыню себе привез – шейх недорезанный... – негодовала она, оставшись наедине. – Ну-ну!.. Еще посмотрим, кто кого!

Вызов был сделан, военные действия внутрисемейного конфликта развернуты. На следующий день Татьяна устроилась в штаб секретарем-машинисткой. Алексей отнесся к этому весьма холодно, если не сказать равнодушно.

– Замечательно, – одобрил он супругу, – меньше денег кланчить будешь... Но домашние обеды и ужины никто не отменял, так же, как и чистые рубашки... Уж как хочешь, но успевай и дома, и на работе.

Больше Алексей к этой теме не возвращался. А для его жены началась новая жизнь в гарнизоне, полная открытий, неожиданностей и приятных сюрпризов.

Симпатичную секретаршу в штабе быстро заметили. Татьяна никогда не была красавицей, но преподнести себя умела. К тому же она стала прилично зарабатывать и собрала весьма оригинальный гардероб. Она с нескрываемой радостью ловила на себе восхищенные взгляды мужчин и сама охотно с ними кокетничала. Этого не могли не заметить признанные красавицы гарнизона, которые не желали мириться со столь назойливым соперничеством чужеземки.

– Ты откуда такая красивая будешь? – как-то подвалила к Татьяне одна из фавориток начальника штаба, по праву считавшаяся здесь первой красавицей.

– Издалека. Ты наверняка и города-то такого не знаешь, хотя он очень известный... – съязвила Татьяна, интуитивно почувствовав подвох.

– Да куда уж нам! – скалилась первая красавица. – Любопытно, кто ж тебя, умницу такую, сюда в нашу глушь и темень непросветную привез? Не иначе как Алексей! Здесь-то его все знают: ни одна приличная и уважающая себя особа его к себе на пушечный выстрел не подпустит. Вот и тянет мужик жен издалека. Только и они недолго здесь задерживаются. Но ты, видимо, исключение. Уж не потому ли, что наконец-то наш любвеобильный Леха пару себе нашел?!

– А тебе что – завидно, что ли? – в свою очередь Татьяна пыталась побольнее ужалить недоброжелательницу.

Фаворитка в ответ неожиданно расхохоталась – и что самое обидное – совершенно искренне, откинув голову назад и обнажив ряд красивых, ровных белоснежных зубов.

– Будем знакомы – первая супруга Алексея. Имя мое знать тебе необязательно – запутаешься в череде имен его многочисленных супругов. Я-то после нашего развода всего один раз замуж вышла, и весьма удачно. А вот Алексей уже с десятков спутниц жизни сменил. Говорит, лучше меня найти никак никого не может.

Теперь уже Татьяна залилась раскатистым смехом, но игру скрыть не смогла. Нежданная собеседница посоветовала ей найти себе любовника, да поскорее, потому что супруг из Алексея никудышный, осчастливить женщину считает ниже своего мужского достоинства.

– Дерзай, молодуха! Я верю – у тебя получится наставить этому козлу рога. Недаром говорят: Таньки грязи не боятся... – и уплыла, унося с собой свой гомерический хохот, подхваченный ее спутницами.

В глубине души Татьяна не могла не согласиться со своей обидчицей. Она сама давно поняла, как права была мать, которая уговаривала не торопиться со свадьбой. Но возвращаться обратно было еще страшнее, чем оставаться здесь. На Алексея свет клином не сошелся: вокруг столько офицеров, и почти каждый проявляет знаки внимания.

С этого дня Татьяну как подменили: она перестала радовать супруга шедеврами восточной кухни и вплотную занялась собой. Вскоре ее усилия увенчались успехом: из безликой массы поклонников выделился один наиболее настойчивый, с которым она тут же закрутила головокружительный роман. Однако любовник замуж звать не спешил: напротив – его более чем устраивало семейное положение пассива, так как освобождало от обязанности жениться. Зато слухи об их романе дошли до Алексея. Не отличающийся верностью супруг, сам измену простить не смог и однажды просто взял и отвез жену вместе с вещами на вокзал.

– Мы уезжаем? Тебя переводят? – терялась в догадках Татьяна, стоя на перроне.

– Откуда привез, туда и отправляю! – тот внес ясность в происходящее.

– Что это значит? – негодовала Татьяна.

– А то, что подобной потаскушки наш гарнизон еще не знал!

– Как ты смеешь?! – лицо насильно отправляемой залила краска гнева.

– Не больше, чем ты сама себе позволила для замужней дамы, поверь! – парировал выпад жены Алексей.

– А сам-то, сам... – Татьяна попыталась перевести стрелки.

– Я мужик. А ты – баба... Этим все сказано! – Алексей сказал, как отрезал.

– Кем сказано?! – не унималась его жена. – И когда? В пещерные времена?

– Неважно. Доверие ты потеряла – вот это существенно. Живи дальше, как хочешь. Но не со мной.

– Велика потеря! – движением руки Татьяна показала ее мизерную величину.

– Вот именно! – неожиданно подержал жену Алексей: он тоже не видел ничего особенного в том, что они расстаются. Даже напротив.

– Хорошо, развод так развод. Деньги хотя бы дай. Дорога неблизкая, мне по закону половина совместно нажитого имущества полагается... – Татьяна пошла ва-банк.

Но Алексей был не так прост, как казался на первый взгляд.

– Ничего – торговать собой ты уже научилась. Значит, не пропадешь. – Заверил он супругу, – Скажи спасибо, что билет купил.

Татьяну передернуло от ярости, гнева, отвращения и презрения одновременно.

– Да уж, тебя не то что офицером – мужчиной назвать сложно! – выдавила она сквозь зубы и, вырвав билет из толстых коротких пальцев прапорщика, направилась в вагон, еле волоча за собой багаж с вещами, а на сердце камнем давил груз приобретенного жизненного опыта. Через несколько дней она стучалась в ворота родительского дома, к которому, как оказалось, вели все дороги мира...

– Что, уже нагостились у мужа-то? – не упустил возможности съязвить открывший двери отчим.

– А Вам и радостно? Может, я в отпуск приехала... – ответила ему на это падчерица, проходя в свою комнату, которую она делила со сводной сестрой.

Понятное дело, та встретила ее неласково. Но чемодан офицерской жены ее заинтересовал.

– А ты, я вижу, с приданым... – протянула она, присвистнув. – Кто же в отпуск с собой все тащит? Выбрала бы пару вещей на смену... А-а-а, понимаю: тебе не терпелось похвастаться... А скорее всего – муженек из дома выгнал... Ага! – зардевшееся лицо Татьяны подтвердило ее догадку.

– Не завидуй! – справилась с эмоциями та.

– Еще чего! Было бы чему... Смотрю, и в далеких краях не оценили ангельского характера нашей Золушки...

– Ну что, дочь, с возвращением! Нагулялась, чай? – мать тоже встретила ее без бурных проявлений радости, но было заметно, что она ей искренне рада.

Готовились ужинать, и гостью пригласили за стол. Но есть Татьяне не хотелось. От пережитого ее мутило.

Сегодня стало ясно, что виной тому не только эмоции и усталость. Он, этот ребенок еще не родился, а уже отравляет ей жизнь. Куда она принесет младенца после родов – в дом, где она сама лишняя? Нет-нет-нет! Он не должен появляться на свет. По крайней мере, не сейчас. Потом! Дома никому ничего говорить не нужно. Даже матери. Зачем лишние пересуды? Она твердо решила избавиться от беременности. Пусть аборт делать опасно. Подружки рассказывали, что можно спровоцировать выкидыш... И, повеселев, Татьяна вернулась домой.

Глава 2

Своя ноша... тянет

– Что думаешь делать, дочь? – разговор с Татьяной ее мать отложила на следующий день, наутро. Наблюдала за ней, убедилась, что с ее замужеством покончено.

Татьяна полулежала в кровати, несмотря на то, что день давно начался. После строгой военной дисциплины в гарнизоне она не могла отказать себе в удовольствии выспаться и понежиться в кровати подольше.

– Не переживай, ма! Где наша не пропадала?! Что-нибудь придумаю... Все будет хорошо! – попыталась она успокоить родительницу.

– Уж не потому ли, чтобы было все хорошо, ты мне внуку али внука готовишься подарить? – вопрос матери застал Татьяну врасплох.

– От тебя ничего не скроешь... И как это КГБ проглядела такого ценного сотрудника?.. – Татьяна уклончиво ответила вопросом на вопрос.

– Значит, действительно ребенка ждешь... – убедилась в догадке Полина Николаевна.

– Да, жду. А ты уже всем об этом растрезвонила? И Кащейю сказала? – забеспокоилась Татьяна.

Кащейю она за глаза называла отчима за его неестественную худобу, злой нрав и то, что на много лет был старше ее матери.

– Да нет, Николай ни о чем, я надеюсь, не догадывается. А то – ты знаешь – быстро отправит туда, где нагуляла.

– Нагуляла... – возмутилась Татьяна, – Я, если вы забыли, пока еще замужем.

Мать ничего не ответила. Лишь с досадой отмахнулась от верного и вместе с тем сомнительного довода дочери.

Планы Татьяны спокойно провести утро рухнули. Итак, ее рассекретили... Надо срочно что-то предпринять, чтобы отчим не догадался, что к чему. Она, конечно, с детства отличалась крупными и пышными формами. Но не настолько, чтобы скрыть за ними беременность... Спать перехотелось, одолевала жажда действия. Татьяна оделась и впервые в жизни отправилась в читальный зал библиотеки...

Там она заказала несколько книг по анатомии человека, акушерству и гинекологии. Она останавливалась на главах, в которых рассказывалось о возможных случаях прерывания беременности. Переписывать содержимое было опасно – сестра могла обнаружить записи, и тогда вся конспирация рисковала накрыться медным тазом. Оставалось одно – запомнить хотя бы самые простые «советы» медицинской литературы.

Так Татьяна уяснила для себя, что беременным нельзя носить тяжести, передвигать мебель, париться в бане и даже держать ноги в горячей воде... Отлично! Ее может спасти генеральная уборка и перестановка в доме отчима. И мать ничего не заподозрит, и домочадцы сменят гнев на милость.

Домой она вернулась ближе к вечеру и почти сразу затеяла уборку. Отчим, как всегда, не спешил ей помогать. Но сегодня она была даже благодарна ему за это. Напевая, она с легкостью передвигала массивную старинную мебель, которая, казалось, выросла в пол за годы стояния на одном месте. В доме стало легче дышать: все блестело и сверкало вокруг – окна, двери, люстры, хрусталь в серванте... Татьяне удалось расположить шкафы, трюмо, комоды и тумбочки таким образом, что в комнатах стало намного уютнее. Она очень устала и в изнеможении рухнула на кровать, ожидая, что вот-вот заболит от перенапряжения низ живота и случится непоправимое. Однако ничего не происходило. Она и не заметила, как уснула.

Разбудили ее громкие выкрики сводной сестры. Ирина осталась недовольна тем, что без ее ведома нарушили привычный уклад их жизни. Она с детства невзлюбила дочь мачехи как

нечто чуждое и лишнее в их с отцом доме, и потому весьма ревностно пресекала все попытки той похозяйничать.

– А, по-моему, зря ты взвилась. Очень даже хорошо получилось! – впервые в жизни не согласился с доводами дочери отчим Татьяна, – Не все ли равно, что где стоит? Главное – все на своих местах...

– Нет, не все еще, – не унималась Ирина, – твоя шея свободна. И Танюше не терпится занять это место...

– Да? – искренне удивилась виновница переполоха, которая нарисовалась в дверном проеме в позиции «руки в боки», не обещавшую ничего хорошего обидчикам, – Скажи, ради Бога, когда это я сидела у кого-нибудь на шее? Особенно у тебя с отцом...

– Вот когда будет у тебя СВОЙ дом, там и будешь распоряжаться, ясно? – продолжала отстаивать свою собственность от посягательств посторонних Ирина. – А здесь есть, кому хозяйничать! Заруби себе это на носу!

– Спасибо бы сказала, что порядок в кои веки навела, вековую пыль из углов повыметала. А то хозяевам все некогда, – пошла в контратаку Татьяна.

– И с каких это пор ты у нас такая чистоплотная стала, а? Что-то раньше я за тобой подобного рвения не замечала... Или муж нехороший научил?.. ай-ай-ай... а мы-то тут голову ломаем, что такое случилось, если наша Золушка из королевского дворца сбежала.

– А что – просто так убраться нельзя? Не забывай, я все-таки тут живу, и мне хочется жить в нормальных условиях.

– Вот купи себе дом и делай там что хочешь! – перешла на визг Ирина, – А здесь ты живешь из милости – причем, временно!

Татьяна благоразумно вышла из комнаты, понимая, что говорить что-либо лишнее. Все и так предельно ясно. Ей так же, как в детстве, разъяснили, кто есть кто. Только теперь более аргументировано. Делить одну комнату с сестрой больше не было сил, но уйти она могла только в соседнюю комнату. Она упала лицом вниз на диван, ее душили слезы обиды. К ней подошла мать и ласково провела рукой по голове.

– Бедняжка, так ты здесь и не смогла стать своей, – пожалела ее Полина Николаевна.

– Ма, это не может так продолжаться. Надо срочно что-то делать, но что?.. Ума не приложу.

– Я на рынке сёдня слышала, строительный колледж рабочих набирает. Сначала общежитие, говорят, дают, а как отработаешь положенное – квартиру обещают.

Татьяна задумалась. Зря что ли она на курсы по делопроизводству ходила... Мать поймала ее негодующий взгляд и привела довод, решивший все.

– Ну что ты секретарем заработаешь? Гроши... А на стройкомбинате и платят хорошо, и свой угол приобретешь. А там уж работай кем хочешь. Правда, работа тяжелая. Потянешь?

– Я выдержу все, что угодно. Свое жилье у меня будет, и уж получше, чем эта холупа... – заверила она мать.

– А беременность как? Нельзя ведь...

– Ну и что? Даже если потеряю ребенка... Кому он сейчас нужен? Я еще не раз смогу забеременеть. Было бы от кого рожать. Главное квартиру свою получить!

Полина Николаевна не могла не согласиться с дочерью.

– Ничего, ты у меня крепкая. Вся в меня! Еще и этого сумеешь выносить, – по-своему успокоила она дочь.

Татьяна действительно успокоилась.

«Это даже хорошо, что работа тяжелая, – размышляла она, засыпая, – Все идет как надо!».

Наутро она поднялась раньше обычного. Нужно было застать директора стройкомбината на рабочем месте. Постучав в дверь – секретарша еще не явилась, она услышала «Войдите!» и последовала приглашению.

– Здравствуйте! Я работать у вас хочу... – выпалила она, скрывая природную робость.

– ???!!! – директор изобразил недоумение, справившись с которым поинтересовался, – И кем же, если не секрет?

– Кем нужно, тем и буду! – Татьяна в этот момент была готова на все, что угодно, лишь бы взяли на работу и дали комнату в общежитии.

– Похвально, – одобрил порыв ранней посетительницы директор стройкомбината, – Образование у тебя какое?

– Школу окончила... вечернюю... – уточнила Татьяна.

– Выходит, никакого... – сделал вывод работодатель, – Ну ничего, какие твои годы – еще тысячу специальностей освоить успеешь. Но пока могу предложить тебе только место разнорабочей на стройке. Устраивает?

– А что мне делать надо будет? – поинтересовалась Татьяна, скорее, для порядка, так как в глубине души была готова ко всему, что предложат.

– Что потребуется. Ведра с раствором принести, что-то подержать... В общем, бригадир скажет. Устраивает?

– А комнату в общежитии мне дадите? – не услышав главного, уточнила она.

– Иногородняя к тому же?

– Нет, я здесь живу. С отчимом не ладим. Он и меня, и маму совсем загонял. Я уйду – и ей легче будет. Попрекать будет некем и не за что...

– Понятно, – вошел в положение своей новой работницы директор. – Комнату ты, конечно, получишь. Но прежде нужно, чтобы тебя выписали. А будешь трудиться хорошо, проработаешь 10 лет, квартиру получишь от комбината. Может быть, и раньше. Как получится.

– Меня все-все-все устраивает! – просияла Татьяна и помчалась оформляться.

Скрыла она только то, что беременна. Но она уже сама не придавала этому большого значения – если удачно разрешилась одна проблема, непременно исчезнет и другая. Тяжелая физическая работа поможет.

Татьяна попросила, чтобы ее оформили в общежитие в тот же день. Ей пошли навстречу. Наутро она перевезла вещи с видом оскорбленного королевского достоинства и в то же время победительницы. Еще позавчера не было ничего, кроме недругов вокруг, а сегодня – почти все: работа, крыша над головой, перспективы... Недоставало личного счастья. Но сейчас было не до того. Вот избавится от нежеланного бремени, и снова выйдет замуж. Да, ее тоже, как и ее мать, могли взять замуж с ребенком. Но повторить ее судьбу она не хотела – так же, как не желала, чтобы ее малыш наступал на те же грабли судьбы, что и она в свое время.

Глава 3

Новая жизнь

– Бог в помощь! Всем привет! Меня Таней зовут. Я теперь в вашей бригаде работать буду... – представилась Татьяна, впервые появившись на своем рабочем месте.

– Марина...

– Света... Можно просто – Светик...

– Саша...

– Люся...

– Вадик...

– Антон... – посыпалось с разных сторон.

Татьяна еле успевала жать протянутые ей руки. Бальзамом на душу лилась доброжелательность посторонних людей, с которыми – она искренне на это надеялась – обязательно подружиться. Всеми фибрами своей души она старалась изобразить добродушие и открытость.

– Смотрите, как она улыбаться умеет – аж светится вся... – подбадривали ее парни, желая поддержать и помочь освоиться в своем кругу, – Ну что, принимаем красавицу в свой маленький, но очень дружный коллектив?!

– Принимаем! Принимаем! – поддержала их женская половина веселой и дружной компании.

– Ну, давай – вливайся в коллектив... – к молодым людям подошла бригадир Галина Семеновна, самая старшая и по возрасту, и по должности.

Татьяна было оробела, но лучистый взгляд ее проницательных глаз рассеял все сомнения: теперь она здесь своя!

– Приход новенькой отметим после работы, а сейчас хорош бездельничать – работа ждет. Антон, принеси два ведра раствора. – Распорядилась бригадир.

Все разошлись по своим рабочим местам.

– А позже нельзя? – переспросил адресат просьбы старшины коллектива.

– Не-а, – отозвалась она, – срочно надо стенку заштукатурить, а то трещинами может покрыться. Попробуй потом выровняй...

– Шас... – подчинился требованию бригадира Антон, – пару минут, работу эту закончу...

– Ой, а давайте я принесу! – вызвалась помочь Татьяна. Ей очень хотелось быть полезной. К тому же она пока не знала, что делать и с чего начинать.

– А не надорвешься? – засомневался Антон.

– Ничего, я сильная! – уже с улицы отозвалась Татьяна.

– Выпендривается, себя хочет показать... – не удержалась от саркастического замечания в ее адрес роковая красотка Люсьена, или просто Люська.

– Это ты вот выпендриваешься, – осадила ее Галина Семеновна, – Человек свою рабочую силу показывает. По показухе в нашем маленьком коллективе другие специалисты имеются.

– Это что – камешек в мой огород? – догадалась Люсьена.

– На воре и шапка горит. Обрати внимание – ты сама это сказала. – Продолжала отчитывать красотку бригадирша.

– Это что же получается? Что я совсем ничего не делаю?! – завелась Люсьена.

– Девочки, девочки, не ссорьтесь! Мы здесь все и красавицы, и умницы... На всех титулов хватит. – Попыталась примирить спорщиц хохотушка, душа компании Марина. – Даже новенькая. Только посмотрите, как старается: то ли она ведра несет, то ли ведра ее тащат...

Ее реплику встретили дружным взрывом хохота.

– Давай, помогу! – Антон, чувствуя себя виноватым, кинулся к Татьяне, действительно еле волоочащей за собой две бадьи с раствором.

– И сразу два ведра! Вот неугомонная! Зачем надрываться-то? – продолжала высказывать свое «фи» Люсьена.

– А чево два раза туда-сюда ходить? – объяснила свое рвение Татьяна, ожидая одобрения окружающих.

– Конечно, удобно, – улыбаясь, похлопала ее по плечу Галина Семеновна, – но больше не надо нам таких подвигов. А если надорвешься? Что тогда? Новую работницу искать?

– Вот именно, – поддержала ее Мариша, – зарплату не прибавят, а здоровье потеряешь. А за раствор спасибо большое! Ты все равно молодчина! Такая нам нужна в команде!

Татьяна хитро улыбнулась: вовсе не желание показать себя подвигло ее на первый трудовой подвиг. Но и на этот раз все обошлось: ненавистный плод цепко держался за жизнь, игнорируя все попытки матери избавиться от него. Но ощутить себя желанной, равной, полноценной было очень приятно, и это чувство компенсировало все неприятные мысли.

Так продолжалось несколько месяцев. Татьяну не пугала никакая, даже самая тяжелая работа. К тому же она показала себя довольно способной ученицей и довольно быстро освоила азы специальности маляра и штукатура и стала заменять по необходимости своих подруг, чем еще больше завоевала их расположение. Даже своенравная Люсьена сменила гнев на милость. Она же первая из бригады догадалась, что не все так просто, как хотела представить новенькая.

– Девчонки, а Танюха-то наша маленького ждет! – шепталась она с подружками в отсутствии Татьяны.

– Да ладно тебе сплетни разводить, – отмахивалась от ее предположений Мариша. – Она просто полная.

– Да? – не сдавалась Люсьена, – А вам не кажется, что она специально тяжести таскает, словно хочет избавиться от ребеночка, а?

– Все может быть. – В разговор вступила благоразумная Светлана. – Если это так, рано или поздно нашей скрытнице придется рассекретиться. Положение неслучайно интересным называют.

– А мы ей в этом поможем! – глаза Мариши озорно сверкнули.

– Тебе так не терпится проникнуть в чужую тайну? – Светлана не одобрила ее намерения.

– Да ты все не так поняла! – Оживилась хохотушка. – Только представь, каково ей ото всех скрываться? Стыдится, надо полагать. Помочь человеку надо, поддержать.

– Ну, если в этом смысле... – согласилась с доводами подруги Светлана.

– Только как ты ее разговоришь? Татьяна не столь проста, как хочет казаться. – Люсьена оставалась верной своему врожденному чувству скептицизма.

– Есть у меня один план! Сработает стопроцентно! – заверила подруг Мариша.

– Да? – в один голос заинтересованно проронили Света и Люсьена.

– Я нашу Танюшу в баню приглашу. От перспективы помыться по-человечески она не откажется. В нашем душе в общаге так не получится... Другое дело баня! – Марина произнесла эту реплику мечтательно, нараспев. – В парной открываются все поры, а вместе с омертвевшей кожей смывается вся грязь. Так, что даже на душе легче становится.

– Подожди-подожди, – нетерпеливо прервала ее Люсьена, – беременным же нельзя париться.

– В том-то все и дело! – загадочно улыбнулась подругам Мариша, – Если действительно ребенка ждет, откажется.

– А если не откажется? – снова засомневалась Люська.

– Тогда в парной я ее разговарю! Вы разве не знаете, что это самое лучшее место для доверительных бесед?!

– А ты опасный человек, Мариш!!! – не без основания заметила Света.

– Не забавы ради, а пользы для... – уточнила та.

– Ну что ж – удачи! – одобрила ее план Люсьена.

Вечером Мариша заглянула к Татьяне, чтобы пригласить ее в баню.

– Сил уже нет в нашем душе мыться... – притворяться ей не пришлось. Вымыться в душе было проблемой для всех. Во-первых, очередь, во-вторых, вечно стучат в дверь, в-третьих, грязно. – Пока своей очереди дождешься, уже устанешь. Да и то душу отвести не дадут. То ли дело б-а-а-ня!

– Что верно, то верно! – охотно согласилась с ней Татьяна. – Я тоже баню люблю, особенно Центральную, в старом городе.

– А что, давай туда сходим! – предложила гостя.

– Хотелось бы, да дорого, наверное...

– Я плачу, раз пригласила. Договорились?

– Неудобно как-то...

– Неудобно трусы через голову одевать! Но ведь это не про нас. Попаримся, отдохнем как белые люди. В конце концов, мы с тобой женщины, и женщины незамужние. А значит, должны следить за собой. Ну, так что – решилась?

– Договорились! – просияла Татьяна. Ее до этого момента еще никто никогда никуда не приглашал. Она не была избалована вниманием окружающих. А за несколько месяцев работы на стройкомбинате научилась ценить дружеские отношения выше семейных. Именно здесь она впервые узнала, что кроме упреков, на свете есть еще уважение, взаимопонимание, взаимовыручка, поддержка, участие, благодарность...

Она пошла бы в баню с Маришей даже если бы не любила баню. Доверительное, близкое, дружеское общение с этой веселой, но вместе с тем мудрой и опытной молодой женщиной заполнило эмоциональный вакуум ее души.

– Там купим пивасика, его там хорошее подают, – продолжала соблазнять Татьяну Мариша, словно опасаясь, что она соскользнет с крючка. Впрочем, раз уж выпадала возможность отдохнуть, она намеревалась оторваться по полной программе.

– Класс! – задор и веселье гости передались и Татьяне, – А я куплю охотничьих колбасок к пиву, и почищу тарань. Мать принесла на днях сухой паек из родительского дома.

– Вот видишь, родные не забывают. И это хорошо! До завтра? – Мариша засобиравлась уходить.

– Спокойной ночи! – проводила ее до порога гостеприимная хозяйшка.

Ей и самой в эту ночь спалось на редкость спокойно. Вот редкая удача! Она не думала об этом. Париться беременным нельзя... Но она обязательно заглянет в парилку. Судьба преподносила ей новый шанс избавиться от бремени.

А вот Марише в эту ночь не спалось. Вовсе не потому, что ее мучили угрызения совести или невеселые мысли. Грустить она не умела в принципе. Нужно было продумать, как вывести скрытницу на чистую воду. Можно было, конечно, прямо спросить. Но для этого совсем необязательно тащить ее в баню. Да и искренний ответ вряд ли прозвучит в этом случае. Нет, здесь следует действовать более тонко, осторожно. Марина не преследовала цели обидеть подругу, уличив ее в чем-то постыдном и неприличном. Напротив, она хотела ей помочь, понимая, что Татьяна запуталась и самостоятельно ей из непростой, очень деликатной ситуации не выбраться.

А завтра был выходной. Банный день в общежитии. Марина с Татьяной решили превратить его для себя в праздничный. Они встретились у проходной. Та, ради которой культурная программа и была задумана, уже ожидала подругу у проходной.

Баня встретила их душным горячим воздухом, в котором, казалось, навсегда растворился аромат перегретого мыла. Они оставили свои вещи в предбаннике и, отдав ключи от шкафчиков банщице, направились в душевую. Это была просторная комната, по периметру которой располагались ячейки со смесителями и распылителями холодной и горячей воды. По центру находились столы из серой мраморной крошки, на которые принято было ставить тазики с

водой для мытья головы. Здесь же мылились, а пену смывали в импровизированных обложенных кафелем в ржавых подтеках душевых. Но здесь все было более комфортно, чем в общаговском душе – мойся сколько хочешь. Или парься, коли душе угодно и здоровье позволяет.

Натирая спину Татьяны мочалкой, Мариша заметила:

– Кожа еще не распарилась. В парилку бы, а? Когда еще такое удовольствие позволить себе сможем... Пойдешь? Я – обязательно!

– А как же! – охотно согласилась Татьяна.

– А тебе можно? – как бы невзначай поинтересовалась интриганка.

– А почему бы и нет? – удивилась подруга.

Мариша растерянно пожала плечами.

– Мало ли... – прошептала она.

Дверь в парную скрывалась за одной из душевых. За стеной пара на расстоянии вытянутой руки было ничего не разглядеть. Здесь полагалось сидеть или лежать на деревянных лавках или полатах. Трудно было дышать, не то, что говорить. Подруги несколько минут молчали. Марина забеспокоилась.

– Тебе не плохо, Тань? – наконец, проронила она.

– Нет, а с чего мне должно стать плохо? – Татьяна начинала догадываться, с какой целью ее пригласили в баню.

– А как же – беременным нельзя в бане мыться, а уж в парной и подавно...

– Мариша выпалила все начистоту. Несмотря на хитроумный план, была она человеком прямолинейным и открытым, и в подобной ситуации оказалась впервые. Причем, что самое досадное, по собственной инициативе.

– Так ты меня для этого в баню позвала, чтобы рассмотреть получше, без одежды, да?! – набросилась на нее Татьяна. – Так смотри – вот она я здесь, но ничего со мною не происходит...

– А ты думала, сразу все так и произойдет? На это время нужно, несколько часов... – просвещала ее более опытная женщина.

– А, может быть, именно этого я и добиваюсь... – скрывать что-либо у Татьяны уже не было сил. Напротив, захотелось прокричать наболевшее, отмыть от грязи не только тело, но и душу. Расчет Марины оказался верным. План сработал.

– Мы это давно заметили. Вот дуреха-то...

– Что? Осуждаешь? – с надрывом в голосе обратилась к ней подруга.

– За что? – Мариша ласково обняла ее за плечи, демонстрируя свое участие, неравнодушие, заботу, – Не от хорошей же жизни тебе такое чудовищное решение в голову пришло...

Татьяна разрыдалась. Сейчас она особенно остро ощутила свое одиночество, свою беспомощность.

– Ну-ну, будет... – принялась успокаивать ее Мариша, – Пошли-ка отсюда, пока действительно чего не случилось. Пивка попьем, поговорим, обсудим ситуацию... Короче, решим, как твоей беде помочь, не переживай!

Они ополоснулись прохладной водой, закутались в чистые простыни и направились в комнату отдыха. Доверительные беседы здесь за кружкой пива, кваса или чашкой чая были обязательной частью банной церемонии. Собственно, многие ради этого сюда и ходили.

Раскрасневшиеся после парной и от нахлынувших эмоций, подруги несколько минут молча потягивали прохладное пиво. Татьяна собиралась с мыслями. Марина ей не мешала, понимая, что собеседнице нужно выговориться.

– Этот ребенок не должен появиться на свет, потому что ничего хорошего его не ждет... – наконец выдавила из себя будущая мать.

– С чего ты взяла? Откуда ты знаешь? Ты что – царь и Бог?! – накинулась на нее подруга, но, заметив, что собеседница совсем сникла, продолжила более ласковым и дружелюбным

тоном, – Бог дал, значит, уже позаботился о маленьком человечке. Твое дело маленькое – дать ему жизнь.

– Но ты же ничего не знаешь! – перебила ее Татьяна, и принялась рассказывать историю своей жизни, как ей самой нелегко жилось с отчимом...

– Ты думаешь, ты одна такая несчастная на нашем стройкомбинате? – неожиданно для Татьяны Марина не стала ее жалеть. Поймав ее удивленный, растерянный взгляд, она уточнила, – Да добрая половина наших женщин растят детей сами. И ничего – не жалуются! Да и отчимы не всегда плохими оказываются. Знаешь, порой неродной отец роднее родного становится.

– Только не в нашей семье! – Татьяна упрямо не желала менять взгляд на ситуацию.

– А ты не выбирай такого, как твой отчим, в мужа. – Не отступала советчица, – Посмотри сначала, как он к ребенку относиться будет.

Татьяна горько рассмеялась в ответ:

– Да не из кого пока выбирать. Кому, скажи, я могу понравиться в таком положении...

– Ты же не всегда будешь в таком положении. Ладно, с личной жизнью торопиться действительно не будем. А пока вставай на учет в женскую консультацию. Возьмешь справку о беременности, получишь комнаты в более комфортном семейном общежитии, и в очереди на квартиру как мать-одиночка продвинешься. А я попрошу Семеновну, чтобы помогла...

Свою миссию Мариша считала выполненной. Татьяну с этого дня она тайно для нее взяла на поруки.

Глава 4

Подарок Феи...

С банного дня интересное положение Татьяны уже ни для кого не было секретом. Ее искренне поздравляли, обнимали, жали руки. А будущая мама недоумевала, чему окружающие так радуются?.. Но самым досадным для нее стало то обстоятельство, что ее перевели на легкий труд. Она стала курьером в конторе стройкомбината. Отныне ее заботой было разбирать корреспонденцию и отправлять письма адресатам. Это ее огорчало даже больше, чем то, что она получила две комнаты в семейном общежитии с душем и туалетом всего на две семьи. Девчонки из бригады взялись переклеить там обои, а парни – смастерить простенькую мебель...

Однако сама Татьяна никак не разделяла всеобщей радости по поводу того, что скоро станет матерью. Ей хотелось жить для себя, ведь по сути у нее не было ни счастливого детства, ни беззаботной юности. И семейное счастье оказалось недолгим. Она жаждала наверстать упущенное. Тратить на какое-то существо лучшие годы своей жизни она не собиралась. Он – этот еще неродившийся малыш – и так уже отнял у нее слишком много времени, которое могло бы стать счастливым, но не стало, отравленное токсикозом, страхом, переживаниями, испорченной фигурой...

Осень подходила к концу. Было сыро, промозгло и холодно. Татьяна не удивилась тому, что малыш решил появиться на свет именно в такой неуютный, ненастный день. Сильные боли внизу живота не давали выпрямиться. Татьяна кричала, но не столько от боли, сколько из ненависти к этому маленькому существу, цепко державшемуся за жизнь, которое, еще до своего рождения причинило ей столько страданий.

Она не помнила, как ее довели до роддома и кто ей помогал дойти до отделения приемного покоя. Ее привели в чувство слова акушерки:

– Мальчик! – полагая, что радует роженицу, похвалила она младенца, – Да такой маленький, хорошенький, словно девочка. Волосики беленькие и не кричит, тихоня... – приговаривая это, она ловко крутила новорожденного в своих руках.

Видимо, ему это не понравилось, и он, наконец, заголосил низким тихим младенческим баском, но тут же успокоился, едва его положили на столик для пеленания, чтобы обтереть насухо и запеленать. Он смотрел на мир, за существование в котором вынужден был бороться практически с момента зачатия, большими любопытными глазенками. Татьяна поймала взгляд своего сына и невольно отвернулась: она произвела на свет крохотную копию своего ненавистного мужа. И поняла, что полюбить этого ребенка никогда не сможет, несмотря на то, что в его жилах текла и ее кровь тоже.

Сына унесли. Стало легче, свободней дышать. Ее вдруг осенило, что она теперь может от него отказаться... И уставшая от напряжения и сильной боли, она уснула прямо в родильном зале. Так ее сонную перевезли в послеродовую палату, где она проспала до самого утра. С небес на землю голос ее вернуло обращение медсестры:

– Мамочка, а нам кушать пора. Мы проголодались и уже успели соскучиться...

Татьяна открыла глаза и увидела почти у лица сверток из серого клетчатого байкового одеяльца, который ей протягивала медсестра. Она отпрянула. Ей так хотелось спать. Невозможно было подняться, не было сил руку поднять, не то что кормить младенца грудью.

– Ну и что? А я при чем? – хриплым сорванным от крика голосом Татьяна, как могла, выразила свое недовольство.

Медсестричка застыла, шокированная странными вопросами мамочки. Обычно женщины ждут с нетерпением, когда им принесут их малышей. Может ли быть в жизни более волнительный момент, чем тот, когда впервые прижимаешь к груди первенца?!..

– Ну как?.. – растерялась она, не зная, как вести себя в такой ситуации. – Вы же мама теперь, лучше вас никто о малыше не позаботится. Только посмотрите, какой он у вас славный... – говоря это, девушка с умилением рассматривала красное личико надрывающегося от крика сына Татьяны.

«Господи, и что она там разглядела-то?..» – мысленно недоумевала роженица, а вслух произнесла:

– Вообще-то я никому ничего не должна! И его, – она кивнула в сторону пищашего свертка, – я тоже не должна была рожать!!! Но еще не поздно исправить ошибку. Аборт врачи меня отговорили делать, выкидыш спровоцировать не получилось. Но никто меня сейчас не заставит сделать так, как принято, как положено, как порядочно... Не вам жить, а мне, и я буду поступать так, как считаю нужным! А намерена я от ребенка отказаться!

Молоденькая медсестричка инстинктивно прижала младенца к себе и в полной растерянности выскочила из палаты. Татьяна проводила ее грозным взглядом. Она попыталась было снова уснуть. Да куда там! Выброшенная в кровь солидная порция адреналина мучила жаждой деятельности. Что-то нужно было делать... Но вот что, она сейчас никак не могла сообразить. Ответ неожиданно пришел сам в образе соседки по палате, которая вдруг обратилась к ней с неожиданной просьбой:

– Джаным, отдай мнэ сына! Отдай, эсли он тэбэ нэ нужын! – на коленях она молила Татьяну доверить ребенка ей.

Необычная обращенная к ней просьба окончательно вернула роженицу из небытия, подарив способность рассуждать и логически мыслить. Просительница стала причитать еще с большей яростью, не заметив поощрения, но и откровенного отпора тоже не встретив:

– Нэ губи малчонку! Падумай, кэм он вырастэт в дэтском домэ? Как жит будэт? А мы с мужэм луди багатыи, всо у нас ест, кромэ дэтэй. Мы его хорошим чиловэком вырастым. Ни в чом нуждаца нэ будэт!

Татьяна разительно изменилась. Еще несколько минут назад она не знала, что делать. А тут ситуация прояснилась на глазах. Прямо что доктор прописал!

– Ага, вот возьму сейчас просто так и отдам невесть кому того, кого с муками девять месяцев под сердцем носила! – Она была возмущена до предела, – Мне, значит, мучения, а ей – долгожданную игрушку подавай!.. Вот народ, а...

Соседка по палате, армянка Анна или Ани разрыдалась, выговаривая сквозь слезы:

– Зачэм ты так? Я бы всо на свэтэ отдала, чтобы самой ребеночка родит. Нэ получаэца... Выносит плод нэ могу, бэрэгу сэбя, вот на сохранэнии сколко пролэжала, а бэз толку всо.

– Все на свете отдать готова, говоришь? – обратилась к бездетной соседке Татьяна, – Посмотрим-посмотрим! Чего же ради сына не жалко?

Ани вытерла слезы и, как утопающий цепляется за соломинку, ухватилась за возможность реализовать свой материнский инстинкт.

– А што тэбэ болшэ вэсэго нужно? О чом мэчтаэшь?

– Квартиру свою хочу – отдельную, не коммуналку...

– Будэт тэбэ квартира! – поспешила ее заверить Анна, вытирая слезы и размазывая их по лицу.

– Вот когда будет, тогда и поговорим! – выставила свои условия Татьяна, отворачиваясь к стене и тем самым давая понять, что разговор окончен.

Здоровый и сильный организм Татьяны быстро восстанавливался после родов. Через пару дней ей разрешили выйти к пришедшим ее навестить матери и Марише. Те кинулись ее поздравлять, обнимать, целовать. Роженица только диву давалась. Чему они только радуются?

– Цветы нам в палату не положено.

– Да это не тебе, а врачу. Тебе вот продукты. – Мать протянула ей бумажный пакет с фруктами и молоком.

– Ма, ну ты же знаешь, я не люблю молоко... – передачей роженица осталась недовольна. – Лучше бы фруктов побольше принесли. Апельсинов, например...

– Цитрусовые, подруга, тебе сейчас нельзя употреблять. А вот молоко даже рекомендуется в неограниченных количествах.

– Во как надо жить, – глухо рассмеялась Татьяна, – едва на свет появился, а уже матери диктует, что можно есть, что нельзя. Далеко пойдет мальчонка...

– Ой, Расскажи, Расскажи, на кого похож-то? Хорошенький, наверное... – заходилась в непонятном восторге подруга.

– Вылитый папаша... – выдавила из себя Татьяна.

– И что? Ты теперь за это дите возненавидела, да? – новоиспеченная бабушка, наконец, нашлась, что сказать. Настроение дочери ей сразу не понравилось. Но она не могла понять, в чем дело. Последняя ее реплика расставила точки над «i». – Как только ты с таким отношением к ребенку его воспитывать будешь?

– А с чего ты взяла, что я собираюсь его воспитывать? – огорошила своих визитеров пациентка родильного отделения. – Найдутся, даже можно сказать нашлись уже те, кто воспитает его лучше меня...

– Ты что это городишь? Сдается впечатление, что ты при родах головой сильно о пол ударилась... не роняли, часом? – негодовала мать, – Кто кроме тебя в случившемся виноват? Сама себе такого кобеля в мужья выбрала. Предупреждали тебя. Никого слушать не захотела, а теперь все вокруг виноваты?

– Теть Том, да Вы не так поняли дочку свою, – Мариша попыталась найти свое объяснение поведению подруги. – Таня наверняка имела ввиду совсем другое. Что найдетсЯ – вернее, нашелся уже – человек, который воспитает мальчика как родного сына...

– Да нет, Марина, мама все правильно поняла. Это ты ошибаешься. Вместе со мной в палате лежит одна бездетная армянка. Так они с мужем мне обещают квартиру купить, если я им сына отдам...

Мать Татьяны презрительно фыркнула:

– И в кого ты только такая уродилась. В нашей семье отродясь детьми не торговали. И я тебе не позволю! Иначе я тебе не мать, а ты мне не дочь!

– Ой, как грозно! А чем меня напугать хочешь, что ты мне по наследству оставить планируешь? Пинки и подзатыльники своего муженька-садиста или вечные упреки его дочери?

Полина Николаевна усилием воли удержала готовые навернуться на глаза слезы. Она ушла расстроенная вконец, даже не попрощавшись с дочерью.

Едва она скрылась за дверью, как Мариша набросилась на подругу с расспросами:

– А теперь говори, что надумала! Как понимать все это?

– А так и понимать, как сказала. – Татьяна устало присела на кушетку у окна, – Есть одна бездетная семейная пара. Нерусские, правда. Их родители когда-то поженили, чтобы деньги из семьи не ушли. Но поскольку родственники они, хоть и дальние, с детьми у них никак не выходит. И развестись их законы не позволяют. Короче, готовы они забрать у меня моего мальчика, а взамен за такое счастье квартиру мне обещают купить – двухкомнатную, между прочим...

– А то ты ее сама не получишь... – резонно заметила Марина.

– Аха, мне-то надо еще на нее горбатиться и горбатиться. А так я уже сейчас заживу по-человечески! Работу хорошую найду... Женскую, чистую, красивую понимаешь?

– А сейчас, значит, ты не как человек живешь? И вокруг тебя не люди, да?

– наступила очередь праведного гнева подруги, – Ты, получается, лучше нас всех... Но вот что я тебе скажу: даже животные своих детей не бросают, пока те не вырастут и сами о себе заботиться не научатся. А ты, дорогуша, хуже кукушки: та просто детенышей в чужие гнезда подбрасывает, а ты своим ребенком торгуешь... Как же тебе не стыдно?! А знаешь, что самое интересное? Нет? Я расскажу! Эти армяне тебя обманут. Им важно, чтобы ты отказную

написала. А потом зачем ты им? Они другим платить будут, чтобы пацана твоего им отдали. Кто ты такая против них? Пешка: без родных, без денег, без друзей и, я думаю, без работы... Подумай об этом!

Ответом Татьяны на эту тираду было презрительное фырканье. Мариша проводила ее взглядом, полным и сожаления, и упрека одновременно. Она успела узнать упрямый нрав своей коллеги по работе и думала, что та твердо решила отдать сына в чужую семью. Но ей все-таки удалось заронить в ее сознание зерно сомнения.

– Кито приходыл? Отэц рэбонка? – заискивающе поинтересовалась Ани, которая очень опасалась, как бы сделка не сорвалась.

– Да нет, его отец даже не догадывается, что у него сын родился. И я сомневаюсь, что его это известие обрадовало бы. – Поспешила успокоить ее Татьяна, – Но учти, пацана получишь только тогда, когда у меня на руках ордер на квартиру окажется.

– Но это жэ усложныт процедуру усыновлэния. – снова переполошилась Ани. – Тэбя выпишут вмэсте с сыном, а значит, запишут его на твоё имя. Или малчик пападут в дом малутки, а там его другиэ могут забрат...

– Но ведь вы-то со своими связями сделать этого не позволите. И вам я тогда ни к чему... – Татьяна в очередной раз убедилась в прозорливости своей лучшей подруги, – Поэтому играть будем по моим правилам!

– Но мы вовсэ нэ собираэмса тэбя обманыват! – стала уверять ее Ани.

– А вот и посмотрим!

Доводы бездетной женщины были исчерпаны. Она смирилась с мыслью, что мечта о ребенке откладывается на несколько месяцев. Процедура приобретения жилья требовала некоторого времени и определенных затрат.

Глава 5

Новая жизнь

Через несколько дней Татьяну вместе с ребенком выписали из роддома. Но перед выпиской ее пригласила для беседы заведующая родильным отделением.

– Слышала, ты хочешь от сына отказаться? Это правда? – холодно и строго поинтересовалась она.

– Да, было дело... Но я передумала... – срывающимся от волнения голосом прошептала молодая мать.

– Значит, все-таки послеродовая депрессия... – облегченно выдохнула опытная врач, – Откажется вот такая краса от ребеночка по непонятно каким причинам, а потом придет в себя и начинает голову морочить «Куда вы моего малыша дели? Я требую его вернуть! Я мать!». Хорошо, что ты вовремя одумалась.

Татьяна молчала, насупившись и словно желая изучить узоры паркета, тупо разглядывая пол кабинета заведующей. Та продолжила, так и не дождавшись от пациентки хоть какой-нибудь реакции:

– Если ты решила его забрать, то, во-первых, потрудись покормить своего сына, во-вторых, зарегистрировать его в ЗАГСе, то есть дать ему имя. Без этого я вас выписать не могу.

– Хорошо... – виновато проронила Татьяна.

– Как сына-то назовешь? – смягчившись, поинтересовалась доктор.

– Владимиром... – Татьяна не думала никогда о том, как она наречет сына. Это имя как-то само сорвалось с языка.

– Владеющий миром, значит?! – одобрила ее выбор заведующая, – Красивое имя. Старайся, чтобы сын ему соответствовал. Итак, я жду от вас справки о регистрации. Оснований держать тебя с ребенком здесь я не вижу: организм почти восстановился после родов, и ребеночек совершенно здоров.

Через день маленький властелин мира преспокойно спал у нее на руках. Его, как самое дорогое сокровище, приняла Полина Николаевна. Прежние обиды были забыты и ею, и Маришей, которая тоже пришла поздравить подругу и проводить ее до нового жилища. В своей новой комнате Татьяна не была с тех пор, как получила ее. Коллеги по работе и друзья совместными усилиями навели в ней идеальный порядок. Здесь стало очень уютно. А в одной из двух комнат гости за накрытым столом ожидали возвращения нового жителя земли, властелина мира. Татьяна охотно растворилась в атмосфере праздника. Она любила шумные застолья, и за последнее время по понятным причинам успела по ним истоскаться. Тем более что все самое страшное было позади и все решалось самым наилучшим образом. Через месяц-другой Ани принесет ей ордер на квартиру, и они оформят документы на усыновление Вовочки. Матери она соврет, что малыша украли. И все будут довольны и счастливы.

– Как же ты сына назвала? – поинтересовалась бригадир Галина Семеновна.

– Владимиром...

– Вовочка... Такой маленький и хрупкий, словно девочка...

– Ага, ДюймВовочка... – сострил коллега по работе Вадик.

– Ничего, дети быстро растут. Не успеет мать оглянуться, такой кавалер вырастет! От невест отбоя не будет, – вступилась за внука Полина Николаевна.

Через несколько дней еще одна претендентка на мать Вовочки заглянула в гости к Татьяне с важным сообщением. Ей предстояло посмотреть квартиру, которую они с мужем нашли для матери ребенка, которого мечтали усыновить. Дом новый, еще не сдан жилищным кооперативом. Шли отделочные работы. Но уже можно было выбрать любой этаж и вариации

планировки. Остальное – дело пары-тройки недель, и она могла бы стать обладательницей долгожданных квадратных метров.

В том-то и дело, что «могла бы»... Если бы не вмешательство бабушки ребенка. Татьяна договорилась с матерью, чтобы та присмотрела за внуком, пока она с подружкой по палате в роддоме якобы к врачу на осмотр ходит. Но в то утро вдруг выяснилось, что закончилось молоко и молочная смесь. Пришлось ей ехать на молочную кухню на другой конец города. Своего молока у нее не было, чтобы сцедить: несмотря на свои пышные формы, Татьяна была обладательницей весьма скромного бюста первого размера и обилием материнского молока никогда не отличалась. Может быть, потому что так и не осознала себя матерью... Она торопилась как можно быстрее управиться с делами, но все равно нетерпеливая Ани явилась чуть раньше назначенного времени. И свершилось то, что свершилось.

– Здравствуйтэ! Мнэ нужна Татиана. Мы дагаварилис о встрэчэ... – обратилась она к открывшей дверь комнаты седовласой женщине.

– Танюша скоро будет, она за молоком для своего сынишки поехала. Проходите, подождите ее в доме, – пригласила гостью Полина Николаевна.

– Стала мамой, а все такая же беспечная, как в детстве.

Гостья ей сразу не понравилась, но она все-таки вежливо поинтересовалась:

– Вы вот, наверное, лучше о своем ребенке заботитесь?

– Канешно, кагда Вовочка станэт нашим, он ни в чом нуждаца нэ будэт... – поспешила заверить собеседницу Ани. Она не знала, что та не в курсе планов своей дочери. Более того, категорически против передачи ребенка в чужую семью.

– Что значит «станет нашим»?! – выпалила бабушка малыша, догадавшись, что за гостью пожаловала, – Окрутили дуреху глупую, и думают, что им все с рук сойдет... Как бы ни так! Даже не мечтайте!

– Што значит «акрутылы»?.. – Ани предприняла робкую попытку оправдаться, – Мы наплы для Тани хорошую квартиру, двухкомнатную, в прэстыжном районэ... Щас смотрэт далжны...

– Вот сами в ней и живите! – не дала ей договорить Полина Николаевна, – Если у дочери ума нет – ее проблемы. Но я не дам совершить ей величайшую глупость в своей жизни!

– Ну почэму глупост, джаным?! – пыталась оправдаться гостья, – Всо по-чэсному: у нас дэнег много, но дэтэй нэт, у Тани есть сын, каторый ей нэ нужэн, но нэт денег и жилья... Каждая астанэца при своём...

– В нашей семье детьми не торгуют! – выкрикнула пожилая женщина, возмущенная до предела наглостью гостьи, – Нашли дураков! Иди в детский дом. Там сирот много, и все мечтают, чтобы их в семью взяли. Осчастливь любого! Сделай доброе дело... Так нет же...

– Но я ужэ привыкла к Вовочкэ... – настаивала на своем Ани.

– А если у Татьяны сына выманишь, так и знай – посажу обеих! – предупредила ее Полина Николаевна. – Пусть она в милиции объяснит, откуда она деньги на кооперативную квартиру взяла, а ты там расскажешь, каким таким чудом у бездетной бабы через месяц после очередного выкидыша ребенок вдруг появился.

– Вы всо нэ так поняли, мы воспитаэм Валодю хорошим чилавэком... – все еще не теряла надежды Ани.

– Я непонятно выразилась? – с этой суровой репликой бабушки ее несостоявшегося сына рухнули все планы на обретение материнского счастья.

Ани выбежала из комнаты Татьяны. Усыновлять ребенка своей соседки по палате было опасно: что, если эта ненормальная старуха действительно заявит на них с мужем в милицию? Они были достаточно богаты, чтобы уладить и эту проблему. Но не возникнут ли новые при таких непредсказуемых родственниках мальчика?.. И Ани, как бы ни было ей горько, вынуждена была отступить.

Татьяна за малым не встретила с ней на лестнице. Они разминулись на несколько минут.

– Ани еще не заходила? – нетерпеливо спросила она мать.

– Приходила... – сурово ответила ей та.

– Ма, с чего бы такой тон? – удивилась дочь. – И где же она?

– К какому же врачу вы собирались идти? Не к психиатру случайно? – не меняя тона, даже повысив голос, спросила ее Полина Николаевна.

– Мам, ты чё? Скажешь тоже...

– А что такое? По-моему, очень нужный специалист: только ненормальные своими детьми торгуют!

Татьяна поняла, в чем дело. Ани каким-то образом проговорила. Она не могла ей сказать, что ее родные против сделки, опасаясь, что она сорвется. Получается, переиграла сама себя. Такое дело сорвалось!.. Хотелось кричать, выть от досады, но что бы от этого изменилось? Только взбудоражило бы соседей и породило массу слухов.

– Хорошо, если тебе этот ребенок так нужен, так и быть – забирай! – приказала она матери.

– А, так ты для меня его, оказывается, родила? – Полина Николаевна с горестью осознала, что взывать к материнскому инстинкту своей дочери бесполезно: он у нее напрочь отсутствует.

– Получается, что тебе нужен больше всех, раз ты за него мертвой хваткой ухватила, – подтвердила ее мысли речь дочери, – Я еще молодая, интересная женщина, я жить хочу, хочу на танцы ходить, романы с мужчинами крутить, замуж еще хочу выйти...

– Не нагулялась еще? Эдак ты еще с десятков детей нарожаешь. Вот капитал-то сколотишь!.. Если мужчину достойного встретишь, и он тебя полюбит, он и к Вовке будет, как к родному относиться...

Татьяна громко рассмеялась, но веселым этот гомерический взрыв хохота трудно было назвать:

– Ты мне сказки-то не рассказывай! Видать, твой муж к тебе никаких чувств не испытывает вовсе, раз я ему всю жизнь поперек горла.

– Что ты такое говоришь, Таня?! – выдавила из себя пожилая женщина.

– Что вижу, то и говорю. Сама напросилась. Нечего было в мои планы вмешиваться. У тебя своя жизнь, у меня – своя. Но раз уж вмешалась – забирай внука! – снова потребовала Татьяна.

– Тебе действительно к психотерапевту пора! – покачала головой ее мать, – Совсем рехнулась, болезная.

– Ты, кажется, уходить собиралась? – дочь фактически вытолкала ее за дверь в общий коридор. – Только отвоеванное и самое дорогое не забудь!

– с этими словами она выкатила детскую коляску со спокойно спящим Вовкой, который даже не подозревал, предметом каких споров он стал сегодня.

Сердце Полины Николаевны екнуло от жалости к внуку и в то же время обиды за него. Она испугалась, что соседи вызовут милицию, увидев ребенка в коляске одного, дочь лишат родительских прав... Такого позора ей не пережить. И она отправилась домой с внуком. Она не знала, как объяснить деду появление у них мальчика. Решила пока ничего не говорить, успокаивая себя мыслью о том, что дочь погорячилась, придет в себя, и еще сама прибежит за сыном.

Глава 6

Сказочное детство

Так Вовочка стал жить с бабушкой и дедом. Вскоре вышла замуж и ушла жить к мужу родная дочь хозяина дома. Он стал единственной отрадой пожилых людей. Его не баловали, но и в свободе не ограничивали. Малец был с утра до ночи предоставлен сам себе, проводил время с друзьями по улице. Татьяна иногда заходила в гости. Нечасто. Еще реже он бывал у матери. И то недолго. Чем старше становился Вовка, тем сильнее походил на отца. Удивительная штука наследственность: никогда его не видел, а взгляд, мимика, жесты, интонации голоса те же... Разве что ростом не вышел. Ему уже шел седьмой год, а больше четырех-пяти не дашь. Но это только на первый взгляд. Размышлял о жизни Вовка не по годам взросло, не по-мальчишески. За это, а больше за малый рост и неестественную для мальчика худобу, даже хрупкость друзья стали называть его ДюймВовочкой. Это прозвище преследовало его с самого рождения и даже, пожалуй, определило судьбу.

Дед в нем души не чаял. Они стали большими друзьями. «Всю жизнь, – признавался довольный старик, – сына хотел, да не привелось воспитать. Так хотя бы внуком Бог побаловал». Бабушка старалась радовать его, чем могла: в основном чем-нибудь вкусненьким. Но хотелось большего. Тем более что друзья имели все блага цивилизации. А у него – пара старых брюк и рубашек на смену... Удручающая тишина, и скуотища дома, из-за которых он старался возвращаться с улицы как можно позже. Иногда однообразие жизни Вовки разбавлял визит матери. Татьяна появлялась здесь не чаще, чем раз в месяц, источая пряный аромат французских духов, в дорогом импортном костюме до пят. Тогда его звали домой раньше обычного. Однажды за ним также прибежал соседский мальчишка, друг по играм и забавам Колька:

– ДюймВовочка, баба Поля тебя домой зовет, иди скорее, она сказала, чтобы не задерживался...

– Что, опять маман пожаловала? – предположил тот.

– Да не, не видел...

– А что тогда случилось? – терялся в догадках Вовка и поспешно вслед за Колькой отправился домой.

Полина Николаевна уже ждала его у калитки с банными принадлежностями в руках.

– На вот, иди вымойся, да быстрее, – приказала она ему.

– Зачем? – удивился он, – Еще же не ночь...

– Не канючь! – одернула его бабушка, – К матери сегодня вечером идем. Она нас на новоселье пригласила. Квартиру она получила, наконец, как мечтала, двухкомнатную.

– Ур-р-ра! – радостно заверещал Вовка.

– А ты-то чему радуешься, дурень? – грубовато, но вместе с тем ласково обратилась к нему бабушка.

– Как это чему, ба? Я же теперь, как и все, с мамой жить могу. У нее ж теперь аж две комнаты!!!

– Дай-то Бог! Твои б слова да Богу в уши... – причитала пожилая женщина, осенив внука крестным знаменем.

Полина Николаевна была очень рада за дочь. Все годы, что воспитывала ее сына, она жила надеждой, что Татьяна заберет его к себе. Друзьям, родственникам и знакомым та объясняла нахождение Вовки у бабушки тем, что, мол, вышла на работу сразу после родов, а за ребенком уход нужен, присмотр. Получение собственной квартиры должно было все вернуть на свои места. Однако Татьяна забирать сына к себе не собиралась, будучи уверенной в том, что восемь лет назад решила эту проблему раз и навсегда. Она была уверена в том, что малец привык жить у бабушки. Но сегодня на новоселье он ей был необходим: все-таки член семьи, наследник.

На самом деле квартиру Татьяна получила уже несколько месяцев назад. Но не отмечать же это событие в пустой квартире! Все это время она была поглощена обустройством своего семейного гнездышка: купила мебель, посуду, сделала хороший ремонт. Ей очень хотелось похвастаться своими достижениями перед матерью. Она-то за всю свою жизнь и трети не заработала.

Полина Николаевна с Вовкой пришли самыми первыми. Отчим приглашение падчерицы проигнорировал. Впрочем, Татьяну это нисколько не расстроило. Скорее, наоборот.

– Проходите, проходите, мои дорогие! – необычно ласково и гостеприимно встретила их хозяйка. Она рассчитывала на похвалу матери, показывая ей свое новое жилище. – Это зал. Стенка чешская из натурального дуба, а диван и кресла – гарнитур из Болгарии.

– Дорогушие, наверное... – осуждающе заметила мать хозяйшки, чем несказанно удивила дочь, – А Вовку надо в школу собирать, он в первый класс скоро пойдет. Костюмчик надо бы ему купить, туфли...

Татьяна пропустила реплику матери мимо ушей и продолжила экскурсию по квартире:

– А это спальня. Спальный гарнитур мне из Румынии по заказу привезли...

– Так что – сына в школу соберешь? – мать вернулась к прежней теме разговора, как бы она не была неприятна ее дочери.

– Мама, откуда? – деваться Татьяне было некуда, – Я столько денег на обстановку потратила, многое в долг пришлось брать. Еще расплачиваться и расплачиваться! Надеюсь, хотя бы подарки оправдают часть расходов...

– Значит, на барахло и чужих людей деньги находятся, а на родного сына – нет?! – Полина Николаевна была вне себя от ярости, – Извини, мы сегодня без подарка. Пенсия у нас с дедом маленькая и почти вся на внука уходит.

– Так ты же сама этого хотела... – одернула ее дочь, – У Вовки был шанс жить по-человечески, а ты лишила его такой возможности. Теперь не жалуйся.

– Но ведь это твой сын!..

– ... который на меня ни капельки не похож, – продолжила реплику матери Татьяна, – Вылитый папаша, будь он не ладен.

– Ребенок в этом не виноват. Совести у тебя как не было, так и нет!

– Видать, вся тебе досталась! Испортить такой вечер! Так хотелось вас порадовать...

– Чем? Что ты как сыр в масле катаешься, тогда как твой сын нуждается? В таком случае мы за тебя рады, но делать нам здесь больше нечего! Вовка, пошли, нам пора, скоро гости придут. Не будем твоей матери репутацию портить...

– Да ладно тебе – что завелась-то? – Татьяна попыталась помириться с матерью.

– Нет-нет, мы пойдем. К тому же, мы без подарка сегодня – угощение не заработали.

– Заметь, я тебя не выгоняла – сама ушла! – прокричала ей вслед владелица шикарных апартаментов.

Вовка оглядывался. Ему явно хотелось остаться.

– Ба, а можно я останусь?

– А знаешь что – на самом деле, оставайся. Имеешь право! – Полина Николаевна перекрестила внука и отправилась к себе домой.

Но боль оттого, что внук растет сиротой при живой-то матери, не отпускала. Хоть бы раз спросила, что Вовке нужно. Раз в год купит на День рождения какую-нибудь безделушку. А тот и этому несказанно рад! Да еще подруг на именины позовет, чтобы хорошей матерью выставиться. Прав дед: непутевая она при всей своей внешней положительности. Вид один. Терзаемая такими мыслями, Полина Николаевна долго не могла уснуть.

Татьяна в эту ночь тоже не сомкнула глаз, но совсем по другой причине. Конечно, ссора с матерью была ей неприятна. Однако охи-вздохи других гостей вернули ей прежнее отличное настроение.

Вовка в вечер новоселья стал центром всеобщего внимания. Не привыкший к этому, он ловил интерес окружающих всеми фибрами своей души. Его здесь ожидали увидеть – и принесли много разнообразных игрушек: машинок, плюшевых медведей и собак. Ему было чем заняться, когда внимание дам переключилось с него на вновь прибывших кавалеров. Вовке было не привыкать быть в тени, развлекать себя самому. Взрослые, казалось, совсем позабыли о его существовании, в том числе и его мать, которая даже не подумала о том, что ребенку пора спать. Сейчас ей было не до сына. Она была всецело поглощена высоким стройным брюнетом с бархатным голосом, молодым, интересным, перспективным молодым человеком. Пусть намного моложе ее, пусть еще студент. Охмурить молодчика будет проще – полагала она. Тот имел неосторожность проявить к ней примитивный интерес, а она уже вообразила себе невесту что и даже подумывала о свадьбе.

– Тань, тебя не смущает, что он слишком молод, еще сам деньги зарабатывать не научился... – пыталась открыть ей глаза верная подруга Мариша. Иногда ей это удавалось.

– Ага, нужна буду ему я, когда он начнет зарабатывать, – Татьяна понимала ситуацию иначе.

– Не хочу тебя обидеть, но с чего ты взяла, что ты ему сейчас нужна? Он имеет репутацию отпетого бабника.

– Ха, нашла, чем удивить. Я тоже давно не девочка. Просто ему нравятся женщины зрелые, опытные...

– Ага – но не для серьезных отношений, Таня! Как ты этого не понимаешь?! Да и мамаша его ни за что на свете не позволит ему на тебе жениться.

– А ты-то откуда знаешь? Завидуешь молча! – Татьяна упрямо не желала замечать очевидного.

– Было бы чему! Знаю я их семью: ремонт нанимали делать в своих профессорских покоях. Мать его такая высокомерная, в сыночке своем души не чает, и все разговоры с подругами только о том, как бы какая стерва его не охмутила.

– Подслушивала что ли? – продолжала скалиться Татьяна.

– Да делать мне больше нечего! Нас, рабочих, она и вовсе не замечала. Наверное, совсем за людей не считает. А ты – обрати внимание – одна из нашего круга пролетариев.

– И с мамашей справимся – не переживай. Я ж не за нее замуж собираюсь. К тому же жить будем у меня. Слава Богу, теперь есть где. А у себя я этой дамочке хозяйничать не позволю! Пусть даже не надеется.

– Танюха, ты неисправимая оптимистка! – доводы мудрой Мариши были исчерпаны. Сама со временем убедится, что там о другой невестке мечтают и никогда не позволят сыну связаться с женщиной ниже по социальному статусу.

Тут вернулись с балкона мужчины. Татьяна подплыла к избраннику и, протягивая ему бокал белого мускатного вина, томно произнесла:

– Тебе нравится у меня, дорогой?

– Да, ты молодчина! У тебя уютно, даже очень! – похвалил ее томный красавчик с тонкими чертами лица. – Причем, все сама, одна, без чьей-либо помощи! Ты достойна самой высокой похвалы.

– В этом доме нет самого главного для настоящего счастья, женского счастья – мужчины, – Татьяна замкнула ладони на затылке студента, словно забирая его в плен, – Ты не хочешь им стать?

Студентик от неожиданности растерялся. Он никак не ожидал столь стремительного развития отношений. Знакомы не больше, чем месяц, тетка старше лет на десять, привлекательная, страстная, раскрепощенная... Вопрос пассивности застал его врасплох.

– Понимаешь, я еще учусь, и учиться мне еще года два. Семью содержать не могу. Давай отложим этот разговор до того момента, как я получу диплом. – Парень попытался вернуть отношения с любовницей на прежний несерьезный уровень.

– Подумаешь, учишься еще. Я работаю, и получаю очень неплохо. Хватит на двоих... – Татьяна не спешила размыкать руки.

– Похвально, конечно... – смутился молодой человек, – но мне воспитание не позволяет жить за счет женщины. А у тебя, как я понимаю, есть ради кого жить – твой сын.

– Ах, это... – облегченно выдохнула Татьяна, – Не беспокойся, он с рождения живет у бабушки, так сложилось. Вовка привык жить там, забирать его сейчас даже жестоко. Бабушка ему ближе и дороже, чем я...

– И тебя это не огорчает?! – искренне удивился zalюбленный матерью сын.

– Нет, а что тут такого?

– Действительно, ничего особенного: пацан при живой матери сиротой растет всего-навсего...

– Да вы сегодня сговорились, что ли? – Татьяна ослабила хватку.

Студент, почувствовав себя свободнее, ловко освободился из крепких объятий. Теперь он четко знал, что делать. Личность любовницы уже не казалось ему столь привлекательной, так как потеряла загадочность, а отношения утратили легкость. В ней проявилась банальная охотница за мужем, причем, у которой напрочь отсутствовал материнский инстинкт.

– Я обязательно подумаю над твоим предложением, дорогуша, – избранник Татьяны не скрывал сарказма, – Обязательно посоветуюсь с мамой. Что-то мне подсказывает, что она будет против... Видишь ли, вы совершенно разные. В отличие от тебя, у нее есть образование, но она ради карьеры мужа посвятила себя ему и детям, вернее, только мне, потому что я у них единственный. Разумеется, вся лавина родительской любви досталась мне. И она наверняка не поймет, как можно отдать сына даже собственной матери. Вы не подружитесь – это очевидно. А я не хочу разрываться между двумя огнями.

– Хам! – Татьяна дала ускользающему из рук избраннику пощечину.

– О! – рассмеялся тот, – в страстности тебе уж точно не откажешь. Жаль, для серьезных отношений этого мало. Зря ты начала этот разговор – мы бы могли и так отлично проводить время. Но нам точно не по пути. Прощай!

Сказав это, студент покинул жилище доморощенной роковой дамы, претендующей на его руку и сердце. Татьяна разрыдалась. Гости разошлись, не прощаясь, заметив, что у нее серьезный разговор со студентом и не желая мешать влюбленным. На душе было пусто и гадко. Она была благодарна судьбе хотя бы за то, что ее друзья не стали свидетелями ее унижения и позора. А все из-за этого маленького чудовища – Вовки! Не будь его в ее жизни, все могло быть иначе! И всю свою злобу и разочарование она обрушила на него.

– Спишь, негодяй?! – злобно, словно кобра над добычей, шипела она над спящим сыном, уснувшим в глубоком кресле в зале. Свой удар она отложила до утра. Благо, ждать оставалось недолго.

Едва рассвело, Татьяна разбудила сына и поволокла его к дому матери, не обращая внимания на его расспросы, недоумение, недовольство.

– Мама, я хочу к нам домой!!! Я спать хочу!!! Куда мы идем? – ныл он по дороге.

Татьяне были нужны иные чувства, она ждала иных признаний, жаждала иных страстей. Сын в этой пучине эмоций оказался лишним. У калитки родительского дома она остановилась, присела перед Вовкой на корточки и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Вот твой дом. Единственный дом, что у тебя есть. Ясно?

Вовка растерянно закивал – он был готов соглашаться с мамой во всем, лишь бы она не гнала его от себя. Он очень хотел быть послушным, хорошим сыном.

– Значит, договорились! – мать слегка потрепала мальчика за плечи. – Беги, бабушка по тебе уже соскучиться успела. Она старенькая, ты ей больше нужен, а она – тебе.

Вовка обреченно поплелся по тропинке, ведущей к входной двери. Он впервые задался вопросом, что он сделал не так? Чем мог обидеть мать, раз она так сильно на него рассердилась, что даже видеть у себя не хочет?.. Но ответов не находил и по-детски тешил себя мыслью, что вырастет большим, красивым, разбогатеет – мать сама еще за ним бегать будет. Своими мечтами он поделился с бабушкой, которой привык все доверять. Та поцеловала его в макушку, приговаривая:

– Да ни в чем ты не виноват, Вовка, – любые проявления ласки и всяческие любезности в их доме были под строгим запретом. В эти слова, скупые на выражение эмоций, Полина Николаевна постаралась вложить максимум любви и заботы, – Видно, судьба у тебя такая! Пережить это должен! Но можешь мне поверить – мать еще изменит свое отношение к тебе. Лучше уж поздно, чем никогда.

Глава 7

Тайное становится явным

Шли годы. Ничего в жизни Вовки не менялось. Бывало, он сбегал к матери, поссорившись с бабушкой. Но Татьяна его упрямо отправляла обратно. Полина Николаевна избегала общения с дочерью. В родительском доме та почти не появлялась. Внук стал дороже и ближе. Бабушка с дедом не могли на него нарадоваться. Вовка рос трудолюбивым, покладистым и в то же время свободолюбивым. Во дворе был заводилой и пользовался уважением среди сверстников. Секрет успеха был прост: с сильными был слаб и покладист, с теми, кто послабее – напротив, напорист. Казалось, и умнее мальчишки, и красивее, и старше, а главным Вовку признают. И этому было свое объяснение: никто из них не мог превзойти его в ловкости, сноровке, скорости реакции и, как ни странно, силе. «Как ни странно», потому что был он мал и неказист, но для него в отличие от других не существовало невозможного. Высоченный забор, злые собаки, крутейший овраг – Вовку ничего не могло остановить, его природная гибкость позволяла ему преодолевать любые препятствия.

Если его ровесники восхищались этим, то их родители жалели Вовку, понимая, что тот сам себя таким сделал. Им некому было заниматься. Бабушку все чаще подводило здоровье, однако хлопотать сейчас приходилось за двоих: деда разбил паралич. Меж тем Татьяна по-прежнему жила своей беспечной красивой жизнью, не утруждая себя заботами о близких. Она так же всецело была занята собой, мечтая о встрече со второй половинкой. Видеть суженого она была готова в первом встречном, приютить, обогреть, приласкать любого, кто проявлял к ней маломальский интерес. Всех, кроме сына... Она даже не заметила, как он вырос. Ему было уже тринадцать, но на вид давали не больше восьми. Почти все его друзья давно басили, а Вовка по-прежнему разговаривал тоненьким фальцетом, и чтобы сделать свой голос грубее, начал курить.

Татьяна видела сына нечасто. В основном, когда тот сам приходил к ней. Он жил у матери ровно столько, сколько она позволяла, всегда – недолго, от одного дня до трех. Обычно она напоминала сыну, что пора бы и честь знать:

– Сегодня вечером у меня будут гости. Дети здесь лишние. Пора тебе домой возвращаться.

Вовка послушно уходил, но все чаще и чаще его мучил вопрос, почему он должен уходить? Все его друзья жили с родителями, или просто с мамой, если, как и он, росли без отца... А к бабушкам ходили в гости. Однажды он решился озвучить свое недоумение, когда мать по привычке потребовала покинуть ее дом.

– Мам, а с какого перепугу я должен уходить?!.. – своим вопросом он весьма озадачил родительницу, – Вот к родителям моих друзей тоже гости приходят. Только дети им почему-то не мешают. Почему ты меня гонишь? Что плохого я тебе сделал? Сторонишься меня словно черт лаdana...

Татьяна оторопело выслушивала этот бурный поток протеста. Она и предположить не могла, что он на нее рано или поздно обрушится, но взяла себя в руки и даже предприняла контратаку. Не в ее правилах было устраивать бурные сцены. Она умела ранить исподтишка, незаметно для жертвы. Милосердие и сострадание не были ей свойственны априори. А уж точную копию ненавистного бывшего мужа жалеть она не собиралась.

– Ты действительно хочешь это знать? – обманчиво ласково зажурчал ее мелодичный голос. Вовка кивнул. Она продолжила, – Потому что ты как две капли воды похож на человека, которого я ненавижу, который причинил мне столько зла. Это – твой отец. Значит, ты такой же. Я не хотела рожать от него ребенка, но ты еще в утробе цепко держался за жизнь...

– Мама, но я его даже не знаю! – воскликнул Вовка, – Я люблю тебя, ты мне нужна, и я никогда и никому не дам тебя в обиду. Мы же одна семья...

– Одна семья, говоришь? – Татьяна смехом ответила на уверения сына, – Нет у тебя семьи! А могла бы быть. Жил бы сейчас, как сыр в масле катался, если бы не твоя бабушка...

– Не называй ее так! – вступился за бабушку Вовка, – Она меня растила, когда ты собой занималась...

– Если бы не она, у тебя были бы и мама, и папа. Пусть неродные и другой национальности. Тебя, когда я еще в роддоме лежала, хотела усыновить одна богатая бездетная семья, да бабушка твоя не позволила. Тогда я тебя ей отдала, раз ты ей так необходим. Еще вопросы есть? Нет? Тогда дуй по месту своего постоянного проживания!

Вовка был потрясен. Он ожидал чего угодно, только не этого. Сломая голову он вылетел из квартиры с твердым намерением сюда больше не возвращаться. Сознание раскалывала мысль, что мать, самый близкий в жизни человек, к которой он всегда тянулся, которую любил больше жизни, с такой легкостью от него отказалась и, оказывается, сразу, как он родился... Лучше бы он вообще ее не знал, лучше бы вырос в детском доме... Зачем бабушка не позволила матери отказаться от него?! Он был зол сейчас на весь мир, а обрушил свою злость на ту, которую совсем недавно ревностно защищал – на бабушку. Получается, если б не она, жизнь его иначе бы сложилась? Бабушка, конечно, его любила, но для матери родным он так и не стал. Так пусть бы он рос пусть не с родными родителями, зато любящими и к тому же богатыми. Ощущение невосполнимой потери, словно его обокрали самым бесовестным образом, накатило девятым валом. Он жадно хватал воздух тонкими бледными губами, словно его лишили возможности полноценно дышать, жить.

Занятый подобными размышлениями, Вовка и не заметил, как дошел до дома, пинком ноги открыл калитку, отшвырнул кинувшуюся ему навстречу домашнюю любимицу кошку, ни с кем не здороваясь, не поднимая головы, прошел в свою комнату, которую некогда его мать делила со сводной сестрой, и одетым плюхнулся на кровать. «Ничего, я еще все наверстаю! Буду богатым, чего бы мне это ни стоило... Всем им назло...», – обнадеживал он себя, свято веря в воплощение мечты.

– Вернулся, внучек? – Полина Николаевна заметила, что с ним происходит что-то неладное и забеспокоилась, понимая, что причиной его плохого настроения стала ее дочь, – Как мать?

– Какая мать? Ты сама прекрасно знаешь, что у меня нет матери! Хватит претворяться! А могла бы быть, оказывается... Да ты не разрешила...

Полина Николаевна схватилась за сердце, медленно опустилась на стул, от волнения ноги стали ватными.

«Неужели у непутевой хватило ума рассказать обо всем сыну? И не стыдно было...»

– Вовочка, ты же наш, как можно тебя кому-то там отдать? Как жить потом с этим?

– А так жить лучше? В вечной нужде, ненужным собственной матери? Уж лучше бы меня в детдом отдали, или та семья меня усыновила...

Полина Николаевна только сейчас осознала, что, наверное, была неправа тогда. Действительно, что хорошего видел ее внук? Его сверстники и на море с родителями катаются, и одеты с иголочки. А у нее хватает денег только на вещи из уцененных магазинов или с барахолки. А о курортах они и мечтать не смеют. Да, не те у нее годы и возможности, чтобы ребенку мать заменить. Она почувствовала себя очень виноватой перед внуком, и осознавать это было тяжелее всего. Она с трудом поднялась и, держась за стенку, отправилась к себе. Тяжело опустилась на кровать, сняла халат и прилегла, не укрываясь. Сердце бешено колотилось, стало тяжелым-тяжелым, стало трудно дышать. Сил дойти до аптечки на кухне не было, а попросить принести лекарства было некого. Руки и ноги словно налились свинцом. Отяжелевшие

веки опустились словно занавес в заключительном акте разыгравшейся драмы. Утром ее нашла мертвой соседка, заглянувшая проверить, все ли в порядке.

Полина Николаевна впервые за годы проживания здесь не вышла ранним утром навести порядок во дворе и в палисаднике. Не дождался ее и молочник, у которого она каждый день покупала три литра молока и баночку домашней сметаны. Не мог дозваться жену ее парализованный супруг. Ответить ему было некому: Вовки уже не было дома.хлопоты об усопшей взяли на себя соседи. По злой иронии судьбы после смерти о Полине Николаевне некому было позаботиться, хотя она при жизни хлопотала за всех, не покладая рук.

Глава 8

Лучше никогда, чем поздно

Был девятый день после похорон Полины Николаевны. В доме почившей снова собрались соседи и близкие родственники, то есть ее внук Вовка и ее дочь Татьяна, которая в этот день вернулась из недельной заграничной командировки в Болгарию. Она была в строгом черном облегающем платье, напоминающем скорее вечернее, чем траурное, поблескивающим нитями люрекса и пайетками в тусклом свете горящей в комнате лампочки без абажура. Держалась она высокомерно, отражая осуждающие взгляды недоброжелателей, считая недостойным придавать им значение.

– Хороша дочка – с похорон матери да в аэропорт... – перешептывались одни.

– Так путевку на Золотые Пески ж не каждый день выдают... – язвили другие.

«Ну и что, что уехала? – говорил вызывающий взгляд осуждаемой, – Если бы осталась, мать что – воскресла бы что ли? Тоже мне святоши – сплетничать да завидовать только и могут... А я, между прочим, заработала путевку!».

Немногочисленные гости вскоре разошлись. Татьяна вместе с Ириной и Вовкой принялись наводить порядок в доме, тоже в полном молчании. Делить им было больше нечего. Не было ничего, что объединяло бы их. Наконец, когда посуда была перемыта и столы вернулись на те места, где стояли, Татьяна засобиралась домой. Ее неожиданно пригласил в свою комнату парализованный отчим, что ее несказанно удивило. С тех пор, как она покинула этот дом, они не общались, избегали друг друга. Наверняка что-то очень важное хочет сообщить ей старик, если позвал.

– Расскажи мне о своих планах относительно сына, – строго приказал дед.

– Каких таких планах? – стушевалась Татьяна, застигнутая врасплох, – Что Вы имеете ввиду?

– Как это что? Мать ты мальцу или нет? – повысил голос больной, – Думаешь хотя бы иногда о том, где он будет жить дальше и как?

– Как это где? – удивилась беспечная мать, – Вовка привык жить у вас, и...

– Что значит «привык»? – вскричал старик, – Дело не в привычке: у пацана, кроме тебя, теперь человека ближе и роднее нет...

– А Вы? – с вызовом переспросила та, – Или выставите его так же, как меня когда-то? Только не забывайте, что он еще несовершеннолетний и зарабатывать на жизнь не может!

– Вот именно! – неожиданно горячо поддержал ее отчим, – А я тебе о чем толкую битый час? Мальчишке учиться надо, образование получить, ему забота нужна...

– А я причем? Пусть учится, образование получает... Я что – мешаю ему что ли?

– Ты действительно ничего не понимаешь или притворяешься?! – снова вспылил парализованный, – Как была полной дурой, так и осталась... Ничему жизнь не научила...

– Тон смените! Я не мать, чтобы сносить Ваши оскорбления. Я с собой так разговаривать не позволю...

– Ой-ой-ой... – передразнил ее больной, покрутив пальцами рук – один из немногих доступных ему сейчас жестов, – Какие мы ранимые, оказывается...

– Я только мать похоронила, а Вы еще издеваетесь?.. Вы тоже в своем репертуаре жестокосердного садиста и тирана...

– А то ты сильно из-за кончины матери переживаешь... – вступила в разговор Ирина, сводная сестра, – Вон как светишься – и снаружи, и изнутри... Платье-то так и горит.

– А тебе я всегда говорила, и сейчас напому: завидовать нехорошо, вот и не надо. – Отразила удар родственницы Татьяна.

– А я тебе напомню, что ты мать! – Ирина перешла на крик, – Коли отец не смог тебе объяснить обязанности матери перед своим ребенком, людьми, обществом, попробую я.

– Попробуй! – Татьяна с вызывающим видом уселась в кресло, закинув ногу на ногу и уставилась на сестру немигающим взором.

– Я не знаю в кого ты такая уродилась. Твоя покойная мама Полина Николаевна была добрым, заботливым человеком, детей очень любила. Разумеется, Вовку больше всех. Он ей роднее сына был. Наверное. Но теперь ее нет, и заботу о нем должна взять на себя ты.

– Что замолчала? Продолжай-продолжай! – Татьяна издевательски махнула кистью руки, словно разрешая говорить дальше.

– Ты должна забрать сына к себе... – наконец, произнесла главное Ирина.

– А я полагаю, что это решать не мне, и не тебе уж точно – а ему самому... Вовка уже взрослый, и...

– Но еще не самостоятельный, – сестра за нее продолжила реплику, – Мой отец не обязан содержать чужого ребенка!

– А, так вот вы куда клоните!!! – наконец, догадалась Татьяна, – Когда-то меня выжили, теперь мой сын помешал?! А еще клялся, что внук роднее родных...

– Нет, это неслыханная наглость! – возмутилась Ирина.

– Если бы я был здоров, я бы сам тебе внука не отдал, – вновь вступил в разговор отчим, – Но мне сейчас самому уход нужен...

– А я о чем? – осенило падчерицу, – Так-то Вы один совсем останетесь. С Вовкой-то сподручней.

– Да много от твоего сыночка пользы, – презрительно хмыкнула Ирина, – целыми днями на улице в футбол гоняет или в карты рубятся с друзьями.

– А что же родные внуки больного деда не спешат навещать? – нашлась, чем упрекнуть ее и Татьяна.

– Почему же не навещают? Приходят, когда могут. Им же некогда по улицам шляться – занятия в обычной школе, потом – еще в спортивной у одного, и в музыкальной у другого, – отразила ее выпад Ирина.

– И ты бы сыном занялась, Таня. Улица хорошему не научит. – Посоветовал отчим, пожалуй, единственный раз в жизни.

– Да что тут разговаривать! – терпение его родной дочери лопнуло, – Обратимся к законам Семейного Кодекса, если законы чести у человека напрочь отсутствуют. А в нем черным по белому написано, что мать ОБЯЗАНА заботиться о своих детях, обеспечивать их материально. В противном случае ее можно лишить родительских прав или обязать выплачивать алименты. Ты этого хочешь? Я тебе это устрою – даже не сомневайся!

– Злыдня! – прошипела Татьяна.

– Я вижу, ты наконец-то все поняла. Теперь иди и забирай своего сына, вещи Вовки я уже собрала. Сумки у порога.

– А ты не упускаешь случая меня побольнее ужалить, змея подколотная! Недаром тощая такая – на гадах сало не растет.

– Не давай повода – не буду! Вова, иди сюда, дорогой! Мама наконец-то берет тебя к себе, как ты и мечтал.

Заплаканный Вовка появился в комнате и, пройдя мимо матери, кинулся в объятия деда. Подросток не выглядел расстроенным или растерянным, несмотря на то, что только-только потерял самого близкого человека в своей жизни – бабушку. Скорее, в данный момент его гораздо больше занимало то, что будет с ним дальше:

– Дед, можно я с тобой останусь? – просьба сына ошарашила всех. – Сынок, если бы я был здоров, я бы тебя сам никому не отдал, – заверил его старик, – Но понимаешь, как получается:

меня к себе дочка забирает, потому я сам теперь словно дите малое. Не можешь же ты один жить.

Вовка всхлипнул. Душевная рана, нанесенная недавно матерью, еще кровоточила. С того дня жить с ней он уже не хотел. Дед это понимал, и постарался его переубедить.

– Мама для любого самый близкий человек, – заверил он внука, – как бы их отношения не складывались.

– Но ты разве не видишь, что я ей не нужен?! – хныкал Вовка.

– Жизнь – сложная штука. Прости ее – она же баба, а ты мужчина! Значит, должен быть сильным и мудрым.

– А мы с тобой хотя бы видеться будем? – успокоившись, спросил подросток.

– Конечно! Ты будешь приходить ко мне, как только захочешь.

– Тогда я не прощаюсь! – Вовка окончательно успокоился и направился к двери, не сказав матери ни слова. Взял сумки и вышел из дома, который и для него с этой минуты перестал быть родным.

– Не смей мальчишку обижать! – обратился старик к падчерице, – Мужики мужиками, а ребенок – святое. Это твоя опора в старости. Что вложишь – то и получишь. Мать твоя ушла из жизни, так и не дождавшись, что ты примешь сына. Так сделай это ради ее памяти! Больше я тебе ничего сказать не могу. Сама все должна понимать.

– Спасибо за советы, – холодно сквозь зубы произнесла Татьяна, – Мне и так все понятно: чужое никогда своим не станет.

– Лишь бы свое своим стало! – понимая, в чей огород брошен камешек, Ирина отбила удар, изменив траекторию его движения на прямо противоположную.

Татьяна схватила свою изящную черную сумочку и тоже покинула дом. Ирина проводила ее торжествующим взглядом. Она видела в действиях сестры скрытый умысел, полагая, что та специально поселила здесь сына, чтобы получить право на часть наследства. Но на него у нее были свои виды... Делиться имуществом она ни с кем не собиралась.

Вовка не стал ждать мать, а направился к ее дому сам. Жила она неподалеку, в новостройках, которые возводили на месте старых домов, таких же, как у деда с бабушкой. Говорили, что и эти домики скоро должны снести. Но не это его сейчас заботило. Он понимал, что детство закончилось. Ему едва исполнилось четырнадцать, а рассчитывать с этого дня придется только на себя. Мечта осуществилась – он переезжает жить к матери. Однако радости по этому поводу он почему-то не испытывал.

Татьяну тоже душила тихая ярость. Она никак не ожидала такого поворота дела. Как нестати воссоединение с сыном! В Болгарии она познакомилась с мужчиной, завязался бурный роман. Оказалось, он тоже работает на том же стройкомбинате, а живет на соседней улице в частном секторе. Он вдовец, жена умерла при родах, оставив его одного с тремя детьми. Дело шло к свадьбе, и Татьяна опасалась, что из-за Вовки все опять сорвется. Впрочем, успокоила она себя – у жениха тоже дети, причем, сразу несколько. Так что не все еще потеряно. Остановившись на этой мысли, Татьяна успокоилась и обрела способность рассуждать здраво. Она поняла, что другого выхода, как забрать сына, у нее действительно не было. Раз так, надо жить по-новому.

У подъезда на лавочке ее уже ждал Вовка.

– Что сидишь? Поднимайся! – скомандовала мать, и в ее голосе промелькнула нотка заботливости – неуклюжей, неумелой, но обещающей стать основной мелодией отношения к сыну.

Сын подчинился. На седьмой этаж поднялись на лифте. Мать засыпала спутника ценными рекомендациями:

– Свои вещи в комнату не заноси, их надо перестирать. Оставишь их на балконе. Потом обязательно примешь душ...

– Ты со мной, как с паршивой собачонкой. Еще натри всего керосином, чтобы блох не было, – удрученно отшутился Вовка.

– Надо будет – намажу, и не только керосином! Выходи, наш этаж.

Дома разговор не клеился.

– Сына, еды дома нету. Сегодня, сам понимаешь, было не до продуктовых закупок.

– Ничего, переживу... – сухо ответил Вовка.

– Тогда срочно мыться. Я тебе постелю в зале. Временно, пока не подготовим для тебя комнату.

Теплый душ, свежее постельное белье да мягкий диван смягчили резкость этого дня, ставшего испытанием для всех членов их семьи. Однако заснуть он долго не мог. В комнате было тихо, темно и беспокойно так же, как и в его душе. Успокаивало размеренное тиканье часов на комоде. Уснул Вовка с мыслью, что для него сегодня действительно начался новый отсчет времени, новый этап его жизни...

Глава 9

В гостях хорошо, а дома – хуже...

Новая жизнь началась для Вовки с крепкого здорового сна. Он вообще любил поспать, и покойной бабушке с трудом удавалось поднять его в школу. Шли весенние каникулы. Не было нужды подниматься рано. Особенно после переживаний вчерашнего дня. Он проспал почти до обеда. Разумеется, в полном одиночестве. Татьяна рано утром ушла на работу. Вовка лениво поплелся на кухню. В бытность, когда он здесь гостил, мать оставляла ему бутерброды на столе. Или записку, что можно приготовить самому. Однако на этот раз он ничего подобного не обнаружил. Холодильник был не то, что пуст – вообще отключен от электросети. В баночках для сыпучих продуктов в шкафах кухонного гарнитура ничего не было. Денег на продукты она тоже не удосужилась оставить. И что ему теперь делать?

Вовка вспомнил, бабушка рассказывала, что у ее дочери была одна привычка – прятать лакомства в самых неожиданных местах. Детство прошло, а привычка осталась, несмотря на то, что уже некому было отбирать у нее вкусности, соответственно, и незачем было их прятать...

Вовка как-то сам случайно нашел тайник в бельевом шкафу, где между простынями лежали плитки чешского воздушного молочного шоколада, головка голландского сыра, банка сгущенки... И он принялся за поиски.

Сначала открыл тот шкафчик, где когда-то обнаружил материнский схрон, в одном из отделений стенки. Но сейчас там ничего не было. Тогда он перерыл все выдвижные ящички и полки с вещами, заглянул в кофейники, чайники, сахарницы и супницы сервизов... Пусто... Внимание привлек комод в спальне. Может, там? Однако и в нем он ничего съедобного не нашел... Постельное и нижнее белье родительницы так и осталось лежать на полу. Вовку сейчас интересовало другое: пища. Желудок голодным урчанием все настойчивее заявлял о себе. Он продолжил поиски с еще большим рвением. Тайники прячут в самых неожиданных местах... Где, например? Взгляд остановился на трюмо с баночками крема, флакончиками духов, тюбиками помады... Бабушка косметикой не пользовалась, и Вовка, ненадолго позабыв о том, что ищет, принялся рассматривать содержимое. Все очень приятно пахло. Он открывал духи – ему очень понравилось, как струя мелких брызг из пульвизатора переливается на солнце всеми цветами радуги. Незаметно для себя он опустошил несколько миниатюрных флакончиков. По квартире распространился терпкий аромат дорогих французских духов. Цилиндрики губной помады показались ему весьма забавными: все разного цвета и формы и крутятся в разные стороны. Он и представить не мог, что в этот момент превращает аккуратные карандашики помады в бесформенное месиво. Однако настоящим чудом ему показалась голубая пластмассовая, украшенная металлом «под серебро» шкатулка. Вовка открыл крышку, и в нос ему ударил специфический запах рассыпчатой пудры. Он чихнул и, открыв глаза, изумился: поверхность трельяжа покрылась ровным слоем светло-розового порошка... Вовка сгонял за тряпкой на кухню и принялся вытирать трюмо и все предметы на нем. Идеально чисто не получилось – на полировке остались мутные разводы. Решив, что это все-таки лучше, чем было, Вовка бросил это неблагодарное дело и принялся думать, что делать дальше. Уж если не получилось устроить себе праздник живота, он устроит себе другой: прогулку на свежем воздухе.

В доме бабушки двери днем никогда не закрывались. Они жили на тихой улочке на окраине города. К тому же, дома обычно кто-то был. Вот и здесь Вовка по привычке вышел в подъезд, а дверь на сквозняке захлопнулась. Он махнул рукой и решительно зашагал вниз по лестнице. Лифт ему почему-то не нравился. У матери он бывал раньше и довольно часто. Поэтому успел здесь обзавестись приятелями. Его появление во дворе никого не удивило.

– О, ДюймВовочка вышел! Ты снова в гости? – приветливой репликой встретила его местная заводила Анька, которую за глаза называли Атаманшей за крутой нрав и сильный

характер. Была она не по годам развита внешне, крепкая и рослая. С ровесницами у Аньки отношения не складывались – ей с девчонками было неинтересно. Вот мальчишки другое дело: и в футбол погонять, и в казаки-разбойники... При всем при этом она отличалась сентиментальностью и славилась своей добротой. Судьба Вовки не оставила ее равнодушной, и она безоговорочно приняла его в свою компанию, несмотря на то, что чужие в нее не допускались. Она сама росла без отца и никогда его не видела, но мама была рядом всегда. Как можно жить без мамы, она не могла себе даже представить. А Вовка жил... Жалея его, она как бы взяла над ним шефство, угощала домашней выпечкой, требовала чтобы он подстригся – в общем, заботилась в меру своих сил и возможностей.

– Привет! Привет! – Вовка поздоровался со всеми по очереди, а с Атаманшей они обменялись дружеским поцелуем в щечку. Это было своеобразным признанием ее лидерства, и Анька четко следила, кто как к ней относится. Не приведи Господь забыть чмокнуть ее в щечку – заключает...

– Надолго здесь? – поинтересовалась она.

– Думаю, теперь навсегда, – грустно ответил Вовка.

– Во как?! А чё так грустно? – удивились друзья.

За него ответил Димка, у которого дед с бабушкой жили по соседству с его прародителями:

– У Вовки бабушка умерла. Мои рассказывали.

– Прости, Вован, не знала... – Анька сменила тон, став образчиком заботы и внимания, – Как же ты теперь?

– Теперь я здесь! Дед говорит, что не может и не должен за мной ухаживать. Не сиротой, мол, расту. А он мне не родной. – Поделится своими переживаниями Вовка.

– Вот люди! – Возмутилась Атаманша.

– А что? – вступился за вовкиного деда Димка, – Если рассудить, прав дед. Он бывал в гостях у друга, и воспитатели Вовки произвели на него хорошее впечатление. – У него родные внуки и внучки имеются.

– Не дрейфь – все идет, как надо! – поспешила успокоить Вовку Атаманша, – ты же сам об этом мечтал! Видишь, мечты сбываются!

Глаза Вовки вдруг наполнились слезами, и она спохватилась, продолжив разговор на философской ноте:

– Конечно, хотелось бы, чтобы не таким образом... Но что поделаешь?

– Здесь у тебя тоже друзья есть! – заверил его Димон.

– А вместе мы сила! – эта реплика Аньки прозвучала как лозунг, девиз их небольшой, но дружной компании, которую, правда, дети из приличных семей старались обходить стороной. Вовка вымученно улыбнулся.

– А ты что, не рад что ли? – спросил его молчавший до того Серый.

Тот растерянно пожал плечами:

– Не знаю... Мне кажется, я матери не нужен совсем... Утром уехала на работу, даже поесть не оставила...

– Что, совсем?! – изумилась Анька.

Вовка кивнул.

– Так ты голодный? – подругу осенила догадка. – Тю! Беда какая... Пошли ко мне, угощу! – и она настойчиво потянула Вовку за собой.

В гостях у Атаманши Вовка еще ни разу не был. Анюта с мамой жила в соседнем подъезде в квартире с такой же планировкой, только в зеркальном отражении расположения комнат. Его удивило, что обстановку здесь никак нельзя было назвать шикарной. Старенькая, но добротная мебель. И той немного. Картины на стенах, ковры на полу, вазоны с цветами и салфетки ручной работы придавали помещению комфорт и уют.

– Заходи, заходи, не стесняйся! – Анята усаживала озирающегося друга за стол в столовой, – Как видишь, мы тоже живем небогато, но ни в чем не нуждаемся.

– Что ты! У вас очень даже уютно! – Вовка искренне восхитился обстановкой – А занавески ваше класс! Я таких не видел даже...

– Это мама сама шила! – С гордостью похвалилась Анька, но тут же спохватилась, – Хорош глазеть! Ты сюда не за этим пришел. Ты что будешь – котлеты или тушеное мясо?

У изрядно проголодавшегося гостя только от названия блюд потекли слюнки. Признаться, он бы не отказался ни от того, ни от другого. Но вслух произнес:

– Чё дашь...

– Все ясно! – глаза юной хозяйшки блеснули, и она положила на тарелку гостя порцию пюре, пару котлет и несколько кусочков тушеного в ароматном соусе мяса.

Вовка с аппетитом набросился на угощение.

– А себе чё так мало взяла? – поинтересовался он, проглотив первую ложку картошки с подливой, взглядом указывая на Анькину тарелку, на которой еды было раза в два меньше.

– Не переживай, Вован, – успокоила она его, – В отличие от тебя, я и завтракала, и обедала. А щас с тобой еще и ужинаю. Так что ты на меня не смотри, договорились?

Вовка утвердительно кивнул. Угощение пришлось ему по вкусу. Тем более, что блюда были приготовлены отменно. Со своей двойной порцией он справился даже быстрее хозяйшки.

– Добавки? – поинтересовалась та.

– Не, спасибо! – ответил Вовка, поглаживая живот, который наконец-то перестал урчать. – Объялся!

– Тогда чай! – распорядилась подруга и поставила на огонь красивый красный пузатый чайник со свистком.

Вовка помог ей убрать со стола грязные тарелки. Анька их тут же перемыла, а на стол поставила чашки с блюдцами, стеклянную вазочку с вареньем, фарфоровую сахарницу в красный горох, тарелку с печеньем.

Десерт вернул Вовке присущие ему веселость и оптимизм, способность шутить и развлекаться. Сладкое он не любил, но не было ничего лучше беседы в хорошей компании за чашечкой чая с каким-нибудь лакомством. Он развлекал Аньку анекдотами и смешными историями из жизни. Веселое чаепитие прервал звонок в дверь.

– О, мама с работы вернулась! – обрадовалась подруга и вприпрыжку помчалась открывать ей дверь.

– Тише, тише! А то соседи снизу сейчас прибегут интересоваться, что это за стадо слонов у нас по квартире скачет... – минуту спустя раздался в коридоре приятный женский голос.

– Мам, скажешь тоже! Разве я такая крупная? – выкрикнула Анька в знак протеста.

– А то! Не маленькая уже. Вон как вымахала! О, уже и друзей принимаешь... – ответила она дочери, проходя с сумками на кухню, где подростки пили чай.

– Здравствуйте! – оробел Вовка.

– Мам, это наш сосед Вовка, тети Тани сын... – представила гостя Анька.

– Здравствуй, здравствуй! – ответила на приветствие гостя Анина мама. – Антонина Аркадьевна, – представилась она.

– Очень приятно... Во... Владимир... – промямлил Вовка.

– Мам, ты представляешь, Вовка сегодня весь день голодный. Мама его только вчера из командировки вернулась, и продуктов дома у них нет. Вот я и пригласила его к нам...

– Правильно сделала, – одобрила дочь Антонина Аркадьевна. – А ты опять из дома сбежал? – обратилась она к гостю дочери.

Тот растерянно молчал, не зная, что отвечать. На выручку пришла Анята, ответившая за него.

– Да нет, мам! Он теперь здесь жить будет. У него бабушка умерла, а деду неродному он не нужен.

– Ох, горе-горе... – запричитала Анина мама, – Хорошо, что мать есть.

– Кстати, мне уже домой пора, – спохватился Вовка, – мама тоже, наверное, с работы вернулась. А меня ни дома, ни на улице. Надо помочь ей ужин приготовить. Я-то наелся уже. А она наверняка голодная. Спасибо за все. Все было о-о-очень вкусно!

– Заходи в гости! – провожая его, говорила Анюта.

– Обязательно! – обещал Вовка.

– Ох, и повезло же соседке с сыном! – похвалила Вовку Антонина Аркадьевна, – И чего она его раньше не забирала? Чужая душа – потемки.

Она и представить себе не могла, какие потемки... А вечер дочкиного гостя оказался далек от нарисованного его воображением идеала. Вовка прождал мать с работы до позднего вечера. Друзья разошлись по домам. Стемнело. Стало прохладно. Вовка в легкой курточке замерз и снова успел проголодаться, когда у подъезда, наконец, появилась знакомая фигура Татьяны.

– Привет, ма! Ты чё так долго? – Вовка направился ей навстречу, поднявшись со скамейки во дворе.

– А ты что тут делаешь? Почему не дома? – сурово поинтересовалась та.

– Да вот, вышел прогуляться, ключи по привычке не взял, а дверь возьми и захлопнись...

– Хорошо еще, что ты по привычке дверь открытой не оставил, – саркастически заметила мать, заходя в кабину лифта. – Ты это... меняй давай свои привычки. Не в деревне теперь живешь.

Деревней Татьяна называла район, где сама выросла и где рос ее сын. Это был сектор одноэтажных домиков, действительно очень напоминающий сельские подворья.

– Я нечаянно... – оправдывался Вовка.

– Надеюсь, – мать согласилась простить его на первый раз, – но если это еще раз повторится, будешь уходить вместе со мной даже на каникулах. Я должна быть спокойна за сохранность своей квартиры и всего, что в ней находится.

Приехали. Татьяна первой вышла из лифта, открыла дверь, привычным движением руки включила свет и... замерла в неестественной позе, оглядываясь вокруг широко раскрытыми глазами.

– Что здесь было? Воры? – испуганно произнесла она, наконец, почти шепотом, от потрясения потеряв голос и способность логически мыслить. Впрочем, увиденное действительно никак нельзя было объяснить иначе, как присутствием в квартире посторонних. Разбросанные по полу вещи в зале, в спальне, выпотрошенные ящики стенки, комода, кухонного гарнитура... Погром – не иначе. Тут она увидела пустые флакончики духов и чуть не потеряла сознание. Трясущимися руками она перебирала свою коллекцию косметики, которой очень гордилась. Варвары уничтожили и это... Она в изнеможении опустилась на пуфик у зеркала.

– Мама, не переживай, я утром все уберу! – принялся успокаивать ее Вовка, осознав, что переборщил с поисками продуктов. – Понимаешь, я хотел убрать... А дверь захлопнулась...

– Так это ты?! – беззвучно, одними губами произнесла Татьяна, – Что тебе надо было?

– Еду... ты же мне ничего не оставила... – пытался оправдаться погромщик поневоле.

– Так ты решил помадой с духами закусить?.. – прошипела мать. По мере того, как она приходила в себя, к ней возвращался голос. – А для красоты все пудрой припорошил?

– Да нет... – улыбнулся Вовка.

– А, так ты еще и смеешься?! – взвилась Татьяна, – Весело ему... А ты знаешь, СКОЛЬКО это все стоит? И что в обычных магазинах это не продается?!

Только сейчас Вовка понял, что натворил. Зловещее молчание растянулось на несколько минут. Наконец, Татьяна поднялась, выволокла сына за шиворот в зал, где был самый большой беспорядок и вынесла сыну приговор:

– Значит так! Что сделано, то сделано... убирать этот бардак я не собираюсь. Ведро и тряпка на веранде. Чтобы к моему возвращению завтра здесь все блестело, как раньше! Понял?! И косметику ты мне вернешь! Я найду для тебя возможность заработать. Нахлебники мне не нужны. Мне в жизни просто так никто никогда ничего не сделал, и я не собираюсь заниматься благотворительностью. А сейчас – спать!

– А ужин?... – заикнулся было Вовка.

– Есть в таком свинарнике? И у тебя аппетит не пропал? – удивилась мать. И уже из ее спальни чуть позже донеслось, – Я сыта, а ты сегодня не заработал!

Так вторую ночь в доме матери Вовка ложился спать голодным. «Да, если бы не Анюта... было бы совсем тяжело...» – подумал он, засыпая.

Утром он проснулся раньше обычного. Татьяна уже надевала свой фирменный финский плащ, привезенный ею из последней заграничной командировки.

– А завтрак я тоже не заработал? – поинтересовался он с некоторым опасением. Он не заметил, чтобы мать вчера распаковывала продукты.

– Колбаса в холодильнике, хлеб – в шкафу. Бутерброды сделаешь себе сам. Не маленький! – распорядилась мать перед уходом.

На кухне, радуя Вовкин слух, урчал холодильник. Ему подумалось, от удовольствия, что нутро наконец-то заполнили продуктами. Однако его содержимое оказалось более чем скромным: только решетка яиц, вареная колбаса. Но все равно голодать ему сегодня не придется. Вовка пожарил себе яичницу с колбасой, сварил кофе. Новый день обещал быть лучше, нежели вчерашний.

Позавтракав, он и не подумал исполнять поручение матери – прибираться в квартире он не любил, не умел и не испытывал никакого желания этим заниматься, даже мучась чувством вины. Вовка был прирожденным организатором. Он обладал даром убеждать и часто им пользовался. Сегодня он воспользовался: ему предстояло убедить Атаманшу в том, что она должна ему помочь. Собравшись с духом, он отправился к ней.

– Ты чего так рано? – накинув легкий шелковый халатик поверх пижамы, Анька открыла дверь, не успев еще причесаться, спросонья протирая глаза.

– Поднять подняли, а разбудить забыли?... – за шуткой Вовка пытался скрыть свое смущение.

– Ага, по твоей милости... – казалось, Анюта не желала улыбаться.

Вовка пустил в ход другой испытанный прием: стал бить на жалость:

– Ань, вопрос жизни и смерти... – протянул он еле слышно.

– Господи, что теперь за проблема? С утра пораньше... – устало поинтересовалась подруга, – Я-то тут причем?

– Анют, мне без тебя никак не справиться. Если мне не поможешь, мне кранты... мать меня в детдом сдаст, наверное...

– Что такое? – Анька сменила гнев на милость, понимая, что случилось действительно что-то из ряда вон выходящее.

Вовка ей во всех красках обрисовал ситуацию.

– Понимаешь, в квартире и так дней десять никто не жил, а еще я постарался. Мне одному порядок там ни за что за день не навести... А мне часа за два надо...

Друг выглядел растерянным и жалким. Как не помочь? Анька сдалась:

– Хорошо. Подожди немного. Щас еще за Димкой сгоняем. Втроем-то быстрее управимся!

Через несколько минут они уже напару объясняли, зачем он им с утра пораньше понадобился. А еще через несколько минут троица друзей заходила в подъезд, где теперь жил Вовка с матерью.

– Ну ты даешь!!! – аж присвистнула от удивления Анька, едва они переступили порог квартиры, где им предстояло навести порядок.

– Да уж – я тоже никогда такого не видел... – согласился с ней Димка.

– Как ты пудру умудрился рассыпать? – изумилась подруга. – Да еще таким ровным слоем?

– Чихнул... – объяснил Вовка.

Ответом стал дружный взрыв хохота его помощников. Такой заразительный, что к ним тут же присоединился и сам виновник беспорядка. К уборке приступили с хорошим настроением. Уже через пару часов в комнатах царил идеальный порядок. Анька даже принесла из дома овощи и приготовила обед, пока мальчишки мыли тряпки и выливали грязную воду. Ели с аппетитом. Осталась порция на вечер. Мама определенно должна остаться довольна.

Остаток дня Вовка провел с друзьями на улице. Домой он вернулся ближе к вечеру. Но мама задерживалась и сегодня. Она явилась, когда уже стемнело. Порядком в квартире осталась довольна, но хвалить сына не стала. Он разогрел приготовленный Анькой суп и накрыл стол к ужину. С этого вечера это стало его прямой обязанностью. Татьяна готовить умела, и очень даже неплохо, но не любила. Поэтому охотно взвалила эту повседневную обязанность на сына. Вовка не сопротивлялся, принимая как должное, что мать работает одна и он, как самый близкий человек, должен ей помогать.

Глава 10

Попытка взрослости

Так они и зажили – два самых близких друг другу человека и вместе с тем такие далекие друг от друга люди. Чем взрослее становился Вовка, тем более походил на отца. Жесты, мимика, голос – все напоминало Татьяне ненавистного первого мужа. Скрыть свою неприязнь к первенцу она не могла и не хотела. Совершенно не думая и не заботясь о сыне, она каждый раз тем самым мстила своему обидчику. Отец и сын даже слились в один неприятный образ, которого она всячески сторонилась.

Татьяна частенько задерживалась после работы. Вовка ждал ее на улице, так как дома ему было скучно одному. Соседи, жалея его, выговаривали незадачливой матери при встрече:

– Как ты можешь спокойно вечерами где-то находиться, если знаешь, что дома тебя сын ждет? Он же голодный, наверное...

Татьяна в такие моменты становилась в позу и ошарашивала доброхотов ответным упреком:

– Коли заботливые такие, угостите парня хотя бы куском хлеба!

– Бессовестная!!! – негодуяще вскрикивали те, что очень забавляло Татьяну.

– Вот так всегда, как стыдить – столько желающих находится. Самим бы заботу проявить.

Так нет же... – притворно возмущалась она вслед стремительно удаляющимся соседкам.

Она не чувствовала за собой вины. У Татьяны наконец-то появился шанс наладить личную жизнь. Роман со вдовцом набирал обороты. Дело шло к свадьбе. Пышного торжества, конечно, не будет: ее возлюбленный только-только похоронил умершую при третьих родах супругу. Хозяйка в доме ему была нужна катастрофически. Татьяну дети не смущали – она же не за них замуж выходит, а за их отца. Наконец, была назначена дата бракосочетания. Сына она просто однажды за завтраком поставила перед фактом:

– Я сегодня выхожу замуж и переезжаю жить к мужу...

– А я? – забеспокоился Вовка.

– А что ты? – Татьяна пожала плечиками, – ты остаешься здесь. Я оставляю тебе квартиру. Живи – не хочешь! Кто бы мне в свое время жилье подарил...

Похоже, мать в этот момент чувствовала себя чуть ли не сказочной феей, сделавшей герою волшебный подарок. Но Вовка был другого мнения:

– Ма, а на что я жить буду – ты подумала? Я вообще-то еще учусь...

– С двойки на тройку перебиваешься? Учиться он... – хмыкнула Татьяна, – толку от такой учебы! Ученый из тебя все равно не выйдет, так работать иди. Не маленький уже. На первое время – так и быть – денег дам. А потом – сам!

– А почему я не могу с вами жить? – задал Вовка вполне логичный вопрос.

– Потому что там и без тебя таких спиногрызов целых три штуки, – ответила Татьяна без единой тени сомнения в своей правоте.

– И что? Они – эти чужие дети – тебе дороже родного сына? – тихим, словно погасшим голосом, спросил он.

– Не твое дело! – Татьяна быстро поставила сына на то место, где по ее разумению он должен находиться. – Я не за детей замуж выхожу, а за их отца. За своими выродками пусть сам смотрит.

«А, – подумал Вовка, но вслух ничего не произнес, понимая, какую взбучку он получит за свою не по годам мудрую реплику, – тогда долго ты там не задержишься...»

С этого дня Вовка целиком и полностью был предоставлен сам себе. В первый вечер самостоятельной жизни он решил созвать гостей и устроить праздник – на свадьбу матери его не пригласили. А раненая душа подростка требовала компенсации. Он сбегал к Аньке

попросить ее помочь организовать мероприятие. Вместе они сходили на рынок за продуктами, пиво попросили купить прохожего – гулять так гулять! Вечеринка обещала быть интересной... Когда на душе у Вовки было плохо, он старался утопить печаль в показном веселье. Как сейчас. Со стороны могло показаться, что он несказанно радуется свободе. На самом деле это была отчаянная попытка выжить во вновь образовавшемся вакууме одиночества и безысходности. Может, других бесшабашный вид ДюймВовочки и обманул. Но только не Атаманшу.

– Как жить думаешь теперь? – она не стала ходить вокруг да около, а спросила сразу о главном.

– Не знаю... – беззаботно ответил тот, – Как-нибудь, не в первый раз. Не пропаду!

– Ой ли? – засомневалась подруга, и, помолчав немного, предложила, – Я маму попрошу, чтобы тебя к ней на работу взяли в виде исключения. Будешь после школы приходить, помогать рабочим.

Мама Анюты работала бригадиром на заводе, куда даже взрослому было непросто устроиться. Пришла очередь выразить сомнение Вовке.

– Не переживай! Мама обязательно что-нибудь придумает, – успокоила его Атаманша.

И тем самым сняла камень с души друга: ему так необходимо было участие кого-либо, доброе слово, поддержка.

Анюта сдержала слово. Правда, на завод устроить его действительно не получилось. Зато его взяли в качестве разнорабочего в небольшое кафе, которым заведовала их соседка, хорошая знакомая Антонины Аркадьевны. Здесь Вовка задерживался допоздна. Не потому, что было много работы. Со своими обязанностями помогать поварам на кухне – наколоть дрова для жарки шашлыка, принести воду, нарезать мясо на порционные куски – он справлялся быстро, а потом шел в зал. Здесь было многолюдно, шумно и весело, а это спасало его от одиночества. Он довольно быстро обзавелся новыми друзьями. Платили ему немного, зато кормили – и очень вкусно. И еще с собой давали. Поварихи добровольно взяли шефство над своим расторопным помощником с такой необычной судьбой, которого жалели как родного сына и всячески ему помогали. Таким образом, зажил Вовка кудряво и без матери – пожалуй, даже лучше, чем с ней. Дома холодильник был всегда забит продуктами, которые ему давали в кафе. А поскольку на еду он не тратился, то вскоре смог скопить довольно приличную сумму денег. Приближалось лето, и Вовка хотел рвануть на море. Он всегда мечтал об этом. Однако планы его расстроила мать.

Так же неожиданно, как ушла, она однажды вечером явилась домой, черная от злости, негодования и несправедливости.

– Ты надолго? – поинтересовался Вовка.

– Что значит «надолго»? – возмутилась Татьяна, – Вообще-то это моя квартира! Или ты успел об этом позабыть?

– Да нет, ма! Как можно?! Я тя давно обратно жду...

– Да? – удивилась мать, – Что, без плохой матери совсем плохо, да?

– Ты есть будешь? – ответом Вовки стала демонстрация содержимого холодильника. Спрашивая это, он с видом победителя открывал дверцу холодильника, за которой оказалось немало вкусностей.

Татьяна аж присвистнула от изумления:

– Кудряво живешь! – пожалуй, впервые в жизни она похвалила и одобрила сына, – А что при мне так нельзя было?

– Наверное, тогда было нельзя... – Вовка торжествовал: наконец-то мать признала, что он может быть для нее полезен. – А что же ты не спрашиваешь, как мне все это досталось?

– Неужто заработал?! – с недоверием поинтересовалась она.

– А как же? – ликовал подкидыш, – А тебе, я вижу, несладко пришлось. Что так? Ненавистные выродки отравили всю жизнь семейную?

– Какой ты догадливый!!! Но не твое это дело, понял?!

Вовка пожал плечами. Если родной сын в тягость, вряд ли чужие дети станут своими. Он удивлялся даже не поведению матери, а того мужика, который этого так и не понял, по всей видимости, раз мать в ЗАГС повел.

– Ладно. Не мое, так не мое... Развеяться не хочешь? – Вовка тактично перевел разговор в мирное русло. Он понимал, что семейная жизнь матери или уже рухнула, или только рушится, но в любом случае ей сейчас очень плохо, и ее надо отвлечь от грустных мыслей. – Мне на работу пора в кафе. Не хочешь со мной? Я угощаю!

Татьяна повеселела. Вот чего она никак не могла ожидать, так это такого поворота событий.

– Ну, пошли! – согласилась она, оживившись. Развеяться ей сейчас действительно было необходимо.

На своем рабочем месте Вовка появился с видом победителя.

– Ты чего это засиял словно медный таз? – шутливой фразой встретила его Анна Петровна, шеф-повар этого кафе. Но тут она заметила Татьяну и все поняла. Она не раз видела здесь эту особу в компании разных мужчин. Дамочка давно не показывалась. Видимо, ухажеры перевелись. Зато сын подрос.

– Знакомьтесь, это моя мама Татьяна Павловна, – улыбаясь во весь рот, представил Вовка свою спутницу.

– Приятно познакомиться, – смущенно пролепетала Татьяна. Она ожидала, что сын приведет ее в зал, а не на кухню и чувствовала себя не в своей тарелке. Это не осталось без внимания кухонных рабочих.

– Что же ты мать на черную кухню привел? – как бы выговаривая Вовке, проронила Анна Петровна, – Она привыкла не здесь бывать, а в зале кафетерия. Наша постоянная посетительница! Правда, что-то давно Вас не видно было... – улыбчиво язвила шеф-повар.

На самом деле она была в курсе всех последних событий в жизни матери ее любимца. К Вовке она сразу прикипела душой. Так сложилось, что своих детей у нее не было, и материнский инстинкт она реализовывала, заботясь о сиротинушке. Татьяну она не могла понять. Впрочем, как многие. Хватило же совести явиться сюда с сыном?!

– Я просто познакомить вас зашел. Пошли в зал, – обратился он к матери. Татьяна охотно последовала за ним.

Вовка усадил ее за служебный столик, за которым обычно ужинали музыканты.

– Ничего не заказывай, я тебе сам принесу все самое лучшее, что здесь умеют готовить.

Татьяна доверилась сыну. Кухню этого заведения она знала неплохо, поскольку действительно частенько бывала здесь со своими воздыхателями, но никак не находила ее хорошей. Однако принесенные сыном блюда развеяли ее скептический настрой, и она вынуждена была признать, что ухажеры не знали, что надо было заказывать.

– Ма, я охотно бы посидел с тобой, но мне работать нужно. Как закончу, подойду. Лады?

Татьяна кивнула в знак согласия.

– Что, мать вернулась что ли? – неодобрительно поинтересовалась Анна Петровна.

– Не знаю, тетя Ань, – искренне ответил Вовка, – Только вижу, ей худо. Поэтому и привел ее сюда.

– Ну и правильно! – одобрила его покровительница и похвалила, – добрый ты парень, хороший, правильный!

Чуть позже Вовка присоединился к матери. К этому времени Татьяна уже успела познакомиться с музыкантами и весело проводила время. От прежней грусти и отчаянья не осталось и следа. Вовка был счастлив и искренне верил, что теперь у них с матерью отношения наладятся. Домой они вернулись поздно ночью, уставшие и довольные.

На следующее утро они встали поздно. В школу Вовка не пошел: проспал. Впрочем, в последнее время он редко там появлялся. Учеба ему не давалась с самого начала. А как стал работать, и вовсе потерял к ней интерес. В кафе он ничего особенного не делал, а за это ему платили деньги и кормили к тому же. Он приоделся, у него появились деньги на карманные расходы. В общем, он был устроен гораздо лучше многих своих ровесников, которым еще недавно сам завидовал. А что школа? В институт он на самом деле никогда не поступит, а работать он и сейчас может.

Он приготовил горячие бутерброды с сыром по рецепту Анны Петровны. На дразнящий нух аромат, вмиг разнесшийся по квартире, на кухню сонно прошаркала тапочками мать.

– А ты недурно научился готовить. Не сравнить с той отравой, что ты подавал мне когда-то... – это была уже вторая похвала, сорвавшаяся с ее уст за последние сутки.

Вовка торжествовал! Наконец-то мать его оценила!

– Жизнь заставит, научишься! – заверил он родительницу, – Ты же замечательно готовишь, а я твой сын, есть в кого...

– Правильно! – снова одобрила сына Татьяна, – В жизни все пригодится.

– А ты как поживаешь? – поинтересовался он у матери, зная ответ наперед. Прошло полдня, а мать в дом мужа не спешила. Кстати, на работу тоже. – Ты сегодня во вторую смену?

– Нет, я уволилась со стройкомбината. Давно уже. – ответ матери огорошил Вовку. Перехватив его удивленный взгляд, Татьяна объяснила, – Сергей потребовал, чтобы я хозяйством и детьми занималась. Пришлось уйти.

– Как это ты согласилась? Домашнее хозяйство тебя же никогда не привлекало...

– Много ты понимаешь! – ошетинилась Татьяна, – Каждой женщине хочется элементарного человеческого счастья...

– Что делать думаешь? Вернешься обратно? – предположил сын.

– Не знаю. Может быть. Хотя отдохнуть и морально, и физически не помешало бы. Эти безумные дети меня чуть не доконали...

– Да? – глаза Вовки озорно сверкнули. – Что так?

– Старшая не упускала возможности сравнить меня со своей покойной матушкой, естественно, не в мою пользу. Самый младший грудничок. Пеленки, каши, смеси... Крик вечный в доме. То дети дерутся, то младший орет. И я одна среди этого ужаса!...

– Что же стало последней каплей? Или ты сюда на каникулы приехала. Отдохнешь, и снова в бой?

– Ни за что на свете! – замахала руками Татьяна, – С этим дурацким браком покончено. Сергей – подлец – в итоге обвинил меня в том, что я не должным образом забочусь о его детях. Словно я выходила замуж за них, а не за него. Я ему говорю, что ради нашего семейного счастья своего сына оставила, а он... – голос обиженной женщины сорвался на тихий стонущий шепот, – а он сказал, что это мои проблемы, что если бы ему была нужна просто женщина, он бы не стал жениться...

– Вы оба ошиблись в своем выборе, – сделал вывод Вовка.

– И в кого ты у нас такой умный? Мать глупая, бабка – сама наивность, отец – последняя скотина...

– Все самое хорошее мне досталось, – прервал истерику матери Вовка, – тебе нужно отдохнуть, с подругами встретиться. Может, что-нибудь дельное подскажут...

– А ты действительно умный! – Татьяна похвалила сына в третий раз.

– Сегодня сама по подругам пробеги, развейся. Заодно в гости на завтра пригласи. А я сегодня попрошу тетю Аню что-нибудь вкусенькое приготовить. Одобряешь?

– Одобряю! – согласилась Татьяна. Ей сегодня впервые в голову пришло, как хорошо, что у нее есть сын...

Она последовала совету Вовки. Навестила всех своих близких подруг, у которых не была с момента своего странного замужества. Домой явилась по обыкновению поздно вечером. Сын еще не вернулся с работы, но на столе ее ждал великолепный ужин. Ей была приятна его забота, чего она никак не могла ожидать. Подруги наперебой хвалили его, молчаливо осуждая ее, она это чувствовала. И как так получилось, что оставив сына фактически на произвол судьбы, она сама лишилась всего, что имела?.. А Вовка выжил, и не просто выжил – устроился даже лучше, чем раньше. Впрочем, она в свое время тоже не пропала, покинув родительский дом. Молодость – большое дело. Сейчас ей почти сорок. Работы она лишилась, потому что возраст и пошатнувшееся состояние здоровья не позволяли работать на прежнем месте. А чтобы устроиться на другое, требовалось образование – хотя бы профтехучилища, которого у Татьяны не было. Рано она начала взрослую жизнь. Сейчас бы задуматься об этом и потребовать от Вовки, чтобы за ум взялся. Куда там?! Она радовалась тому, что можно расслабиться – работает сын, и она считала правильным жить за его счет. Она задумалась о том, что Вовка не только за еду в кафе прислужничает, ему и зарплату еще платят наверняка. Надо будет завтра порасспросить его об этом поподробнее. Она давно не обновляла свой гардероб. Сегодня ей приглянулся голубой финский плащ в универмаге. И демисезонные сапожки «Цебо».

Наутро она сама приготовила завтрак. Вовка, уставший накануне в кафе, где помогал обслуживать большой банкет, проспал почти до обеда. Она опять-таки не стала будить его в школу. Ее не волновали его школьные дела. Вовка заканчивал десятый класс. И хватит! Даже с неполным средним образованием официально берут на работу. Главное, чтобы деньги умел зарабатывать. А выучиться можно заочно, если есть желание. Впрочем, у Вовки его на тот момент не было, и в стремлении заработать любым способом и как можно больше он с матерью был единомышлен. Вместе с тем она оставалась для него загадочной незнакомкой, и он, обманутый маской приветливости и одобрения (доброту при всем желании Татьяне изобразить не удавалось), как кур в ощи́п, легко попался в расставленные ею сети.

Вовка даже не подозревал, какие удивительные события в ближайшем будущем произойдут в его жизни и что послужит тому причиной. Как обычно, едва проснувшись, он первым делом прошел на кухню, чтобы приготовить завтрак.

– Доброе утро, сын! – приветствие матери заставило его проснуться окончательно, а заметив накрытый стол, он незаметно ущипнул себя за ляжку – не снится ли ему все это? Закрыв глаза, затем снова открыл – видение не исчезало.

– Присаживайся к столу, – приглашала мать. Вовка последовал ее совету. Татьяна пододвинула ему тарелку и, отрезав пышный кусок омлета со шкварками, положила его поверх гречневой каши с маслом. – Ешь! Уже обедать пора, а мы еще не завтракали.

– Спасибо, ма! – изумление не отпускало. Вовке не раз говорили, утешая, что все самое приятное и долгожданное случается неожиданно. Сегодня он лично в этом убедился. – Очень вкусно! А с чего это вдруг ты завтрак принялась готовить?

– Ты же теперь работаешь, кормилец мой, – объяснила мать, – О тебе заботиться нужно.

– А раньше, получается, не нужно было? – реплика как-то вырвалась сама собой.

– Раньше я работала, – обиженно принялась оправдываться Татьяна, тут же позабыв, что сегодня ей нужно проявлять доброжелательность несмотря ни на что, – Не забывай, что работа моя была физически тяжелой...

– Ладно, ма! Что завелась-то? – спохватился Вовка. Он вовсе не хотел ссориться с матерью. Напротив, он очень дорожил теми теплыми и доверительными отношениями, которые, как ему казалось, установились между ними сами собой. Права была бабушка, когда говорила, что всему свое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.